

Памяти Г.П. Щедровицкого

ВЛАСТЬ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ?

М.В. Рац

Институт развития им. Г.П. Щедровицкого

С.И. Котельников

НИИ культурологии Минкультуры РФ

Аннотация: В статье ставится задача коренного переосмысления базовых понятий политической философии с позиций деятельностного подхода. Ключевые проблемы современности авторы представили в виде следствия господства поведенческой онтологии, не релевантной идее преобразовательной деятельности. В таком контексте понимается и базовая категория политики — власть — как «оестествившаяся» форма управления, лишённого рефлексивно-мыслительной составляющей. В качестве альтернативы такой власти предлагаются рефлексивно-диалогические отношения и управленческая деятельность.

Ключевые слова: политическая философия, власть, управление, мышление, рефлексия, диалог, деятельностный подход, Московский методологический кружок.

*Если бы люди всеми своими делами могли
управлять по верному замыслу...*

Б. Спиноза

*Благими намерениями вымощена дорога в
ад.*

Пословица

1. Мы и наш мир (вместо введения)

*Опасность прошлого в том, что людей де-
лали рабами. Опасность будущего в том,
что люди могут стать роботами.*

Эрих Фромм

*Размышляя о мире, которым правит наука,
я становлюсь пессимистом... Тем не менее,
я оптимист, когда вспоминаю о духовном
мире, от которого наука пытается меня
отвлечь...*

У. Голдинг

Название данной работы до некоторой степени провокативно (как, по-своему, и мысль Голдинга, вынесенная в эпиграф к первой ее части). А именно, мы хотим обратить внимание читателей на вопрос, который, насколько нам известно, впрямую, по крайней мере, по-русски никогда не обсуждался: **как следует соотносить между собой представления о власти и управлении?**

Этой формулировкой мы подчёркиваем два момента. Во-первых, говоря, как обычно, о власти и управлении, желательно понимать, на каком основании (кроме общего смыслового поля) мы объединяем такие категориально разные феномены. А то, что они категориально разные, мы покажем далее. Во-вторых, мы не спрашиваем, как власть и управление соотносятся друг с другом естественным образом, «на самом деле». Такая постановка вопроса характерна для науки, мы же интересуемся больше тем, как следует мыслить наш мир, полагая, что он «устраивается» в значительной мере сообразно нашим представлениям о нем. В отличие от известного тезиса К. Маркса, мы считаем, что бытие определяет сознание в отсутствие мышления, наличие же последнего сильно влияет и на сознание, и на бытие. Такова наша интерпретация мировоззрения представляемой нами школы — Московского методологического кружка (ММК) и соответствующей версии методологии¹.

Попросту говоря, нашу работу не следует понимать как теорию, «т. е. незаинтересованное бездеятельное созерцание» [Филиппов 2009]. Пользуясь привычным языком, можно сказать, что это *практическая философия*, т. е. продолжение линии классической политической философии, как подчёркивал Л. Штраус, отличающейся «своим непосредственным отношением к политической жизни» [Штраус 2000: 51 и сл.]. Если угодно, такая философия, отрывающаяся от практических вопросов, в XX веке как раз и оформилась в методологию ММК, а мы занимаемся ее приложениями к общественно-политической сфере. Поскольку сложившийся в стране status quo нас не удовлетворяет, в конечном счёте перед нами стоит один вопрос «Что делать?», а поскольку мы видим за ним проблемы, то в итоге вынуждены развернуть его в целую систему вопросов и ответов.

Зачем нужна вся эта философия? Мы будем обсуждать различные формы *правления*, называя так здесь и далее нерасчлененный феномен власти и управления на любом уровне человеческого общежития. При этом мы исходим из представления, что в основе исторически сложившихся в современном мире форм правления лежит власть, понимаемая как способность одних людей принудить других делать то и так, что и как считают нужным первые. Такое принуждение, а, следовательно, и социальные отношения господства/подчинения считаются допустимыми и даже неизбежными, но вопрос об условиях и границах их допустимости остаётся не до конца проясненным. Мы имеем в виду не только государственную власть, поэтому такая постановка вопроса шире вечного, но все же частного вопроса политической философии о задачах и пределах *государственной* власти.

Тем не менее, можно понимать дело так, что против злоупотребления властью (в форме произвола, несправедливости, ущемления свободы и т. п.) были направлены усилия западной общественно-политической мысли, ещё во времена античности, а особенно последние триста-четырееста лет. И не зря: различия в этом плане между древними царствами и современными «развитыми» странами впечатляют, но все же, особенно, если посмотреть, что происхо-

¹ См. о них: Познающее мышление... 2004; Философия России... 2010 и др., а так же сайт Некоммерческого фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого: <http://www.fondgp.ru/>. Можно сразу обратить внимание на интенциональную близость наших взглядов к классической концепции «социального конструирования реальности» [Бергер, Лукман 1995] и соответственно к «конструктивистскому подходу в эпистемологии и науках о человеке» (2009).

дит за границами европейского культурного ареала, трудно посчитать дело сделанным; достигнутые успехи довольно относительны, и работа в этом направлении продолжается.

Мы полагаем, что характерное для ММК **последовательное противопоставление натуралистического и деятельностного подходов очень полезно в сложившейся ситуации, а исповедуемый нами деятельностный подход может и должен внести свой вклад в эту работу.** Остановимся чуть подробнее на своей позиции.

Если не углубляться в историю философии (а это отдельная большая работа), специальный интерес к феномену человеческой деятельности и осмыслению ее роли в нашем мире появился только в XX веке в трудах Т. Котарбиньского и Л. Мизеса, а затем в многолетней работе и Г.П. Щедровицкого и ММК. Трудом Щедровицкого и ММК была существенно дополнена и развёрнута идея деятельностного подхода и выстроена соответствующая деятельностная (а точнее, мыследеятельностная) онтология. Мы ещё поговорим о них далее, но в этом контексте сразу можем указать на первую особенность нашей позиции. Для нас различие между натуралистическим и деятельностным подходами вместе с соответствующими картинами мира играет решающую роль. Это означает, что любые другие подходы и представления мы рассматриваем сквозь призму данной оппозиции и можем интерпретировать их как деятельностные или как натуралистические². И это тем более важно, что, собственно, только по мере становления альтернативы — деятельностного подхода — натуралистический подход и натуралистическая онтология начали осмысливаться как таковые, причём до сих пор это важнейшее для нас различие не стало общепринятым³.

С учётом сказанного важно, что классическая политическая мысль центрировалась как на первой реальности, на формах человеческого общежития, прежде всего — по мере их становления — на понятиях государства и права, обсуждавшихся в связи с идеей власти. В XX веке всё это получило дополнительную — институциональную интерпретацию. Но развитие деятельностного подхода и деятельностной онтологии задало другую фокусировку, другой вектор обсуждения этих «вечных вопросов»: появилась возможность центрироваться на самой человеческой деятельности. Применительно к нашей теме именно в этом мы вслед за Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 1995: 154] видим главную идею деятельностного подхода в его отличии от натуралистического. Мы собираемся идти именно таким путём, и это — наряду со сменой предмета обсуждения — диктует нам **необходимость коренного переосмысления существующих понятий и представлений, начиная, как выясняется, с нашей картины мира**⁴.

Двигаясь означенным образом, на первых шагах мы вынуждены оставить в стороне феномены, на которых центрировалось внимание классиков общественно-политической мысли. **Человеческое общежитие, государство и право, общество, социальные институты — всё это для нас вторичные организованности мышления и деятельности.** Но тогда именно на последних, **на мышлении и деятельности мы должны сосредоточить свое внимание с тем, чтобы в дальнейшем проследить, как они порождают названные организованности** (или «превращаются» в них), **и каковы наши возможности повлиять на эти процессы.** Таким образом, наша логика, в этом отношении диаметрально противоположна традиционной и пока доминирующей. Такова вторая важнейшая особенность нашей позиции.

Здесь нужно хотя бы краткое пояснение. Ориентиры, с которыми оперируют практикующие политики, такие как, например, благосостояние населения, природные ресурсы, ста-

² Заметим, что сказанное касается и институционального подхода.

³ К тому же до недавнего времени во главу угла ставилось противопоставление теологической и естественно-научной (натуралистической) картин мира, далеко не потерявшее своего значения.

⁴ Имея в виду такую фокусировку в отличие от фокусировки на авангардной разработке новых собственно методологических средств, это направление работы было названо «арьергардными боями» [Рац 2007].

бильность и т. д. для нас проблематичны. Например, мы не можем рассматривать благосостояние населения как единственный или конечный ориентир политики. Ориентация на так называемые «природные ресурсы» гарантирует нам прогрессирующее отставание от «развитых стран», потому что по понятию «ресурсы» таковых в природе вовсе нет, а полезность «полезных ископаемых» (и соответственно их превращение в ресурсы) определяется уровнем технологического развития общества. Стабильность необходима, но заведомо недостаточна и т. д. Но даже до этих понятий «среднего уровня» ещё нужно дойти, начиная с нашей картины мира и двигаясь от абстрактного к конкретному. Пока этот путь не пройден, — а мы делаем по нему лишь первые шаги, — наша работа не предназначается действующим политикам.

Наконец, третья особенность нашей позиции, сугубо важная в данной работе: **центрируясь на мышлении и деятельности, в качестве альтернативы властным отношениям мы рассматриваем рефлексивно-диалогические отношения и управленческую деятельность.** Но управленческая деятельность автономизировалась, получила массовое распространение и начала развиваться (подчеркнём, что, с нашей точки зрения, процесс этот находится в начальной фазе) только в XX веке параллельно с осмыслением самого феномена деятельности. Мы полагаем, что это неслучайно. Поэтому именно представление управленческой деятельности во всем многообразии, формирующейся вокруг нее сферы (и даже полисферы), получившей наименование «деятельности над деятельностью» выходит далее на авансцену наших интересов.

Означенному кругу вопросов посвящена первая часть настоящей работы, играющая роль введения, без которого за отсутствием необходимого языка нам трудно сформулировать даже свои цели. Соответственно мы начнём с постановки и самого краткого обсуждения проблем, вызвавших к жизни эту нашу работу, а так же принимаемых нами подходов и онтологических оснований ее проведения. Во второй части мы представим картину управленческой деятельности в самом широком понимании и в самом общем виде как «деятельность над деятельностью». Ещё не завершённая третья часть работы будет посвящена истории становления, современному состоянию господствующих ныне форм правления и перспективам их переосмысления и пересмотра, прежде всего на материале России.

Мы должны также предупредить читателя, что ему предстоит нелёгкая работа, но было бы нереалистично рассчитывать на простые решения глобальных общественно-политических проблем даже на уровне подходов и первоначальных эскизов. В связи с этим необходимо иметь в виду, что мы работаем в мыслительной действительности — в отличие от реальности жизни, видимой «за окном», — но не теряем своей практической ориентации и периодически осуществляем «зашнуровку» одного с другим. Чтобы подчеркнуть связь с «жизнью» обсуждаемых довольно абстрактных материй, мы пользуемся иногда и примерами из текущей периодики.

1.1. Проблематизация

Как пишет в недавней статье Л. Шевцова [Шевцова 2014], ссылаясь на З. Баумана, мы живём в межвременьи, в *interregnum*'е. «Это время, когда устарели, перестали работать нынешние формы организации общественной жизни — и система мирового порядка, и прежние формы государственности, и нынешняя модель либеральной демократии, и былые представления о политике и международных отношениях. Между тем, появились новые вызовы, на которые ни мир в целом, ни самая продвинутая цивилизация — Запад — не в силах ответить». Как говорит сам Бауман [Бауман 2011], мы живём теперь в «текущей современности», где происходящие перемены не имеют определённой направленности, а потому всегда

неожиданны. Мы (на сей раз М.Р. и С.К.) разделяем эту точку зрения и попробуем раскрыть приведённые, очень общие тезисы в интересующем нас плане.

Опыт XX века проблематизировал исторически сложившиеся крупные формы организации человеческого общежития, прежде всего государственные. (Мы уж не говорим о планетарных: неэффективность ООН давно стала притчей во языцех, а международное право пока пребывает в состоянии полуфабриката.) ГУЛАГ и Освенцим не были случайностью и, как выяснилось в результате десятилетий напряжённого анализа, «Холокост, равно как ГУЛАГ и Хиросима, вполне возможен в рамках модернизации. В условиях технократического общества, где средства подменяют ценности и цели, где «эффективные менеджеры» абстрагируются от социальной цены реформ и управленческих действий, **Холокост — не история, он актуален и может вернуться в мир в новом образе**»⁵.

Опираясь на концепцию З. Баумана [Бауман 2010], мы утверждаем, что Холокост — всего лишь одно из следствий хорошо известной мегамашинной организации коллективной работы, описанной в другой, давно ставшей классической книге Л. Мамфорда [Мамфорд 2001]. Собственно, именно это показывает Бауман, хотя он не пользуется термином «мегамашина». Напомним, что мегамашиной принято называть социальную пирамиду, выстроенную из индивидов, за каждым из которых закрепляется определённое место и функция, но все они подчинены власти единого центра и лишены возможности целеполагания, а, следовательно, и осуществления осмысленной деятельности. Машины уничтожения — всего лишь крайний случай, а заметные черты мегамашинной организации можно найти едва ли не на любом предприятии и в госучреждении вплоть до государства как такового: в современном мире эта древнейшая форма организации не только очень распространена, но быстро захватывает все новые и новые плацдармы.

Тезис Мамфорда, гласящий, что «машиноориентированная метафизика вызывает к замене: она устарела» [Мамфорд 1986], пока так и остался лишь стратегическим ориентиром, мало того, что далеко не общепринятым, но, кажется, изрядно подзабытым. Мы берем его на вооружение. Наш замысел состоит в том, чтобы сделать следующий шаг в означенном направлении и, в конечном счёте, попытаться разработать (а пока скажем скромнее: наметить) такие формы и способы организации общежития, которые минимизировали бы машинную организацию и сделали повторение трагедий XX века невозможным.

Зафиксировав сказанное как первую проблему, попробуем расширить свой взгляд на современный мир.

Многие эксперты, особенно в России связывают свои надежды на совершенствование общественного устройства с социальными институтами, роль которых, действительно, трудно переоценить. Вообще говоря, институты выступают в качестве промежуточного этапа как в историческом становлении господствующей ныне государственно-правовой формы организации общежития, так и в логике ее легитимации [Хеффе 1994]. В данном случае для нас особенно важна их роль в переходе от личных дел каждого индивида к его функциям, как члена различных сообществ и гражданина своей страны/государства (state). Мы связываем эту роль

⁵ Мы процитировали издательскую аннотацию к русскому переводу книги З. Баумана [Бауман 2010], выделено нами — М.Р., С.К. Нужно заметить, что Хиросима упомянута через запятую с ГУЛАГом и Холокостом по идеологическим соображениям. См. об этом: <http://berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer11/Volsky1.php>. Вот совсем недавнее и более точное суждение польского кинорежиссера Агнешки Холланд: «Тоталитарное поведение присутствует и в демократическом обществе. Люди часто боятся свободы и ищут новые клеточки. И одна из причин этого состоит в том, что опыт тоталитарных режимов недостаточно изучен. Я думаю, что все постсоветские режимы не дошли до уровня развития зрелого свободного общества, ментально они остаются узниками прошлого. Кроме того, старые демократии тоже переживают стадию кризиса. Мы живём в очень трудные времена. Так что тоталитарные режимы могут вернуться в любой момент» (Приложение «Окна» к газете «Вести», Тель-Авив, 26.12.13, с. 24.)

с тем, что институты обеспечивают совместное воспроизводство поведения/деятельности с формами их организации (что достаточно близко к господствующим представлениям [Шмерлина 2008]).

Пока, однако, упомянутые надежды не оправдались, и мы думаем, что неслучайно. Повторим, что, с нашей точки зрения, при всем их значении, институты вторичны, и фокусировать внимание нужно, прежде всего, на поведении/деятельности (которыми мы дальше и занимаемся).

Если же говорить об институтах, то для начала (мы к ним ещё вернёмся) надо бы разобраться, что именно мы хотим институционализировать, и что не устраивает нас в наличных институтах. Хотя институциональная организация вроде бы противостоит мегамашинной, но на практике власть нередко вытесняет и замещает институты мегамашинами, наследующими их способность к воспроизводству, что отчётливо видно в России. Здесь можно усмотреть своего рода псевдоморфозу мегамашинной организации по институтам. Хорошим примером может служить вытеснение института правосудия мегамашинной судопроизводства («басманным правосудием»). Другой пример — сфера исполнения наказаний (ФСИН), которая из института, каким должна была бы быть по идее, превратилась в чистую мегамашину, успешно воспроизводящуюся со сталинских времён.

Итак, практика свидетельствует, что институционализация как таковая не способна противостоять экспансии мегамашин. В условиях авторитарной власти институционализация регулярно обращается ритуализацией. Прибегая к метафоре, вопреки кажимости можно сказать, что, если институты подобны травоядным животным, то мегамашины — типичные хищники. Мы вынуждены искать новые пути и разрабатывать средства для решения этой проблемы, укоренённой, по-видимому, в наших антропологических представлениях. Свой путь мы видим при этом в реализации упомянутого «деятельностного поворота».

Имея в виду этот путь, нужно сделать одно парадоксальное (на фоне сказанного выше) замечание. Вообще-то ни институтов, ни мегамашин в жизни, «за окном» нет, а есть некие организованности, обеспечивающие воспроизводство всего спектра человеческой «активности», которую пока можно обозначить выражением «поведение/деятельность» (жизнедеятельность). И весь вопрос в том, на что делается упор в этом воспроизводстве: на поведение или деятельность.

К осмыслению этой оппозиции (поведение vs деятельность) как важнейшей в рамках деятельностной онтологии мы пришли в результате сопоставления власти и управления. Оказалось, что в первом приближении власть и управление можно (а, с нашей точки зрения, и нужно) рассматривать как проявления поведения и деятельности соответственно. Но этот важнейший для нас тезис требует специального обоснования и развёртывания, а потому не может быть изначально поставлен во главу угла: к нему ещё нужно придти.

Мы обратимся к нему во втором разделе нашего «вместо введения», а пока заметим, что всё сказанное имеет прямое отношение к ведущим политическим идеям нашего времени — идеям демократии и правового государства, связываемым большинством экспертов именно с институциональными формами организации. Известно, что Гитлер получил пост рейхсканцлера демократическим путём, как приходят к власти и исламисты в ходе далеко не закончившейся «арабской весны», трактуемой обычно на Западе как шаг демократизации. Так что **представительная демократия вместе с правовой системой в формах, исторически сложившихся в «развитых» странах, отнюдь не мешают повторению пройденного.** А других приемлемых для европейцев форм мы пока не знаем.

Судя по многим признакам, **эти системы вообще исчерпали свой ресурс и требуют коренного переосмысления.** Характерный симптом — заметное падение доверия к властям

предержавшим по всему миру, о котором уже говорят СМИ⁶. О кризисе права Г. Берман [Берман 1998: 54] писал ещё тридцать лет назад, и ситуация с тех пор только ухудшилась. Как отмечает В. Пономарев [Пономарев 2010], после распада социалистического лагеря «возникла необходимость осмысления демократии как реального принципа общественной жизни, а не абстрактной цели мирового развития». При этом, однако, очевидна «фатальная нехватка политических идей. ...Торжество политического прагматизма воспринимается в качестве основного свидетельства краха демократии как мировоззренческой системы». Европа, кажется, потеряла былой драйв, попала в ловушку популизма (в этом смысле характерны работы Ю. Латыниной [Латынина 2011a, 2011b, 2012, 2013 и др.], опирающиеся на классические идеи Д.С. Милля) и сдаёт позиции под напором наступающего исламизма; Америка под руководством Обамы начала движение в ту же сторону.

Глобальные перспективы так же неутешительны, и касается это в равной мере, как демографии (точнее, географических особенностей воспроизводства населения [Вишневецкий 2010]), так и напрямую связанных с нею доминирующих типов ментальности и культуры [Попов 2013] вместе с присущими им формами правления. В связи со всеми этими обстоятельствами, даже и плохо осознаваемыми, неудивительно распространение апокалиптических умонастроений вообще, разговоров не только что о «сумерках Запада», но об антропологическом кризисе и т. п. С нашей точки зрения, дело «всего лишь» в недостатке рефлексии и мышления, которые надо восполнять, а всё остальное — различные «превращённые формы» этого дефицита.

Характерный и поучительный пример в этом плане — так называемый «закон техногуманитарного баланса» — типичный пример продукта, порождённого натуралистически ориентированным сознанием. В соответствии с этим законом, или гипотезой, «развитие культурных регуляторов поведения и мышления сопряжено с техническим прогрессом: увеличение мощи технологий требует выработки всё более сложных нравственных ограничителей. Общества, не сумевшие своевременно адаптироваться к возросшим инструментальным возможностям, подрывают природные и/или геополитические основы своего существования» [Назаретян б/д]. Мы думаем, что никакого такого «закона» не существует, а **проблема в самом общем виде состоит как раз в систематическом и, кажется, нарастающем отставании рефлексии и осмысления происходящего от стремительно умножающихся инструментальных возможностей.**

Разумеется, не мы первые говорим обо всем этом: достаточно сослаться на М. Хоркхаймера и Фракфуртцев с их критикой инструментального разума [Хоркхаймер 2011] или на «очередной инструментальный кризис» З. Баумана [Бауман 2006b]. А можно вспомнить еще раз Л. Мамфорда [Мамфорд 1986], говорившего о серьёзных причинах «для пересмотра всей картины как человеческого, так и технического развития, на котором основывается современная организация западного общества», и требовавшего «объяснить, почему весь процесс технического развития стал... принудительным, тоталитарным...». Но в том-то и состоит отличительный признак зрелой проблемы: мыслящие люди хорошо осознают её, но вопросы о том, что и как делать остаются до поры до времени без ответа.

Сказанное об институтах и демократии можно условно понимать как вторую проблему современного мира, очевидным образом, связанную с первой. Но в словах Мамфорда о тоталитарности технического развития мы видим ещё одну, третью проблему, вставшую во весь рост только в последние годы, вроде бы самостоятельную, но вместе с тем усугубляющую опасности, таящиеся в первых двух. Мы имеем в виду бурное развитие техники, ориентированной на умощнение именно инструментальных возможностей разума. Стремительное со-

⁶ См., например: http://www.ng.ru/world/2014-01-22/8_usa.html

вершенствование, умножение функций (своего рода «разделение труда») и массовое распространение огромного числа разнообразных гаджетов сильно опережает наши способности не только осмыслить происходящее, но даже просто уследить за идущими при этом переменами в жизни миллиардов людей.

А перемены идут катастрофические. Выделим здесь два момента: миллиарды и инструментальную ориентацию. Миллиарды означают, что пользователями гаджетов оказываются люди — уже сегодня их, кажется, большинство — малограмотные. **Резкий рост инструментальной оснащённости повышает возможности каждого влиять на окружающий мир при недостаточном понимании происходящего и рефлексии собственных действий.** Ситуация напоминает хрестоматийного ребёнка со спичками, но в страновом, а в ближайшей перспективе, — и планетарном масштабе. Причём это только одна сторона дела, нашедшая выражение, в частности, в событиях «арабской весны». Много хуже перспектива, связанная с блокировкой интеллектуальных функций, в повседневной жизни заменяемых гаджетами. Причём это касается уже и подрастающего поколения в развитых странах.

Простейшие примеры здесь — ставшие хрестоматийными ненужность таблицы умножения, отказ от чтения, заменяемого видео и мультимедийными «игрушками», формирование «клипового сознания». Ещё только начинает осознаваться эффект свёртывания коммуникации, требующей навыков осуществления хотя бы элементарных логических умозаключений, замещения ее обменом сигнальными «эсэмэсками». Исчезновение из повседневной практики письменных текстов, замена диалога примитивным обменом информацией не могут не привести к смене пока господствующих в странах европейского культурного ареала привычных форм интеллектуальной жизни.

Возникает соблазн оценить всё это как деградацию, хотя, наверное, такая оценка преждевременна: мы ещё очень плохо представляем себе означенную перспективу [подробнее о ней см.: Попов 2013]. Но с полным основанием можно сказать, что мы не только не готовы к грядущим переменам, но и не думаем о них с необходимой серьёзностью. Между тем перемены такого рода прямо связаны с упоминавшейся оппозицией поведения и деятельности, власти и управления, о которых пойдёт далее наш разговор. Пока что мы видим здесь проблему — третью, из числа тех, на которые хотим обратить внимание читателя.

Мы полагаем, что сегодня у нас нет средств для решения намеченных проблем, и тут самое время ещё раз вспомнить Хоркхаймера. «...Современная склонность воплощать всякую идею в действие или в активное воздержание от действия — один из симптомов нынешнего культурного кризиса: действие ради действия никоим образом не предпочтительнее мысли ради мысли, а, возможно, даже менее желательно» [Хоркхаймер 2011: 6]. В этом смысле особенности нашей «текучей современности» ничего не меняют, и спустя шестьдесят с лишним лет после того, как это было написано, мы можем уточнить, что для нас речь идет именно о *мысли ради действия*. Тогда, оборачиваясь на нашу выросшую на молоке науки техногенную цивилизацию, резонно задаться вопросом, почему молчат (или, напротив, говорят слишком много и вразнойбой?) наши общественные и шире — социогуманитарные науки?

Если угодно, это четвёртая, хотя и вторичная проблема в нашем ряду. К какой бы области социогуманитарного знания мы ни обратились, в последнее время едва ли не везде речь идёт о кризисе и необходимости новых подходов, происходят «методологические революции», «кардинальные обновления» и самые разнообразные «повороты» (от лингвистического до антропологического). И. Шапиро [Шапиро 2011] и вовсе пишет о бегстве от реальности в социогуманитарных науках. Ближе к нашей теме мы не откроем Америки, зафиксировав для начала, что эффективность политико-управленческих наук оставляет желать лучшего. Что касается России, можно сказать и больше: у нас нет практически никакой связи

между принятием политических решений и достижениями науки⁷. Вряд ли такое положение можно считать нормальным, но вряд ли можно рассчитывать и на его изменение подручными средствами.

В связи с этим кстати напомнить, что З. Бауман наглядно продемонстрировал органическую неспособность социологии извлечь уроки из феномена Холокоста. А ведь социология старше и более разработана, чем политическая наука или теория управления: последние только зарождались, в пору работы таких классиков первой, как М. Вебер, Э. Дюркгейм или Г. Зиммель. На наш взгляд, здесь дело в принципе. Классическая наука по понятию нацелена на познание законов жизни исследуемых ею объектов. (Мы ещё вернёмся к этой теме, но должны сразу предупредить, что не можем входить здесь в подробности, касающиеся типологии наук). Однако люди, пока они остаются людьми, действуют не законосообразно, а целесообразно.

Поэтому любые «естественные законы» (которые открываются/находятся наукой в обществе, а не принимаются законодателем, как юридические), претендующие на регулирование деятельности людей и человеческого общежития как процесса, в лучшем случае схватывают одну сторону жизненного мира, оставляя в стороне вторую и не менее важную — целевую. А, поскольку эти стороны отнюдь не складываются, а сложным образом сочетаются, эти законы ничего не регулируют, и такая односторонность приводит к грубым ошибкам. Что следует делать, и будут делать люди и их группы в тех или иных обстоятельствах, не зависит от устройства вещей, а, следовательно, это вопрос, в принципе не подведомственный науке галилеевского типа. (Первая часть этого тезиса принадлежит ещё Д. Юму и известна как «гильотина Юма» [Блауг 2004: 190]; во второй — насчёт науки — фиксируется относительно свежая проблема, в полный рост поставленная впервые только в работах Г.П. Щедровицкого и ММК).

В самом общем виде мы понимаем дело так, что в истории человеческого рода можно выделить два больших этапа. На первом люди были озабочены удовлетворением физиологических потребностей и поддержанием своего существования в природе, «завоеванием природы». С помощью науки и техники это дело худо-бедно сделано (как минимум, применительно к так называемому «золотому миллиарду») и продолжает делаться: миллиард быстро перерастает рамки миллиарда. Но при этом на нынешнем, втором этапе становления цивилизации **первостепенное значение приобрели проблемы человеческого общежития, которые и определяют жизнь человечества. Из чего, в частности, следует, что в наше время ведущая роль должна принадлежать социогуманитарным наукам, которые явно к этому не готовы.** (Подчеркнем, что это не более чем частность: в общем же речь должна идти о переосмыслении нашей картины мира, и настоящую работу надо понимать именно в этом контексте).

Здесь следует вспомнить обсуждавшуюся М. Бахтиным [Бахтин 1986] «дурную неслиянность культуры и жизни», раскол мира теорий и жизненного мира, которые призван преодолеть поступок. Но только после уроков XX века, доведшего этот раскол до трагедий ГУЛАГа и Холокоста, мы начинаем понимать, что говорить о расколе или, наоборот, связи культуры и жизни можно только положив их изначально как разные сущности. Это было артикулировано и схематизировано ещё до публикации работы Бахтина в ММК [Щедровицкий 1995: 50–56]. Похоже, однако, что социогуманитарным наукам так и не удалось осознать этот

⁷ Да и просто здравого смысла. Примеров таких сколько угодно [Баранов 2013], но лучшей иллюстрацией к сказанному может послужить эпопея с так называемой «реформой» Академии наук: см. http://www.ng.ru/nauka/2013-09-11/11_academy.html. Не менее показательным и то, что при максимальном внимании к инновациям в технике, разговора об инновациях в общественно-политической жизни даже не возникает: идет только вялая тасовка старых форм.

разрыв: идея поступка так и осталась маргинальной, а вместо осмысленной работы с двумя сущностями — культурой и жизнью — случилось смешение жизненного мира с культурой, и, с нашей точки зрения, всё запуталось.

В итоге у нас нет понятия культуры, место которого занимают бесконечные определения, не позволяющие даже внятно категоризовать культуру: она трактуется как деятельность, как ее продукт, как система кодов и т. д., и т. п. Работа с культурой, культурная политика превращаются в «работу без понятия». Из-за этого, в частности, потерялась фундаментальная идея иерархичности мира культуры, следствием чего стало механическое уравнивание разных культур, повлекшее за собой далеко идущие последствия уже политического характера. Именно по этой причине в Европе потерпела провал политика мультикультурализма.

Наряду с этими общими соображениями у каждой страны есть свои скелеты в шкафу. Что касается России, интересующей нас в первую очередь, то у нее есть своя особая история и современное состояние дел, которые превращают вопрос о формах и способах организации нашего общежития во вдвойне актуальный. Конечно, эти формы во многом наследуются, чем и определяется страновая специфика вообще, но мы считаем, что наряду с «наследственностью», не меньшую роль играет изменчивость. И, если первая определяется национальной культурой, ментальностью и соответствующими формами организации жизнедеятельности людей, то вторая зависит, в первую очередь, именно от существующих форм правления, от сакраментальной пары управления и власти.

При обсуждении этой линии (ей будет посвящена третья часть данной работы) мы глядим одним глазом в историю России, а другим в историю мысли и связанную с ней историю других стран европейского культурного ареала. На Западе наблюдаются постоянные смены форм правления, связанные среди прочего с подспудными удивительными метаморфозами соответствующих, казалось бы, вечных, понятий *политики* и *власти*, которые определяют формы организации и ход жизни общества и страны. В России, напротив, на протяжении всего Нового времени мы видим воспроизводство самодержавной власти, меняющей лишь свое обличье и периодически повторяющей безуспешные попытки модернизации. Именно это «возвратно-поступательное» движение обычно квалифицируют как основную проблемную ситуацию в истории России [см., например, серии статей в «Ведомостях» за ноябрь-декабрь 2012 г. и в «Полисе» № 6 за 2011 г., там же библиография].

Мы не склонны преувеличивать значение обсуждаемой при этом цикличности: более важным мы считаем отсутствие (или затрудненность, замедленность — смотря потому, о каких сторонах жизни идёт речь) поступательного развития. Вместе с тем, мы считаем, что это всего лишь симптом, а **отставание России и судорожные попытки догнать другие страны европейского культурного ареала предопределены разрывом между развитием мысли и стабильностью сложившихся форм правления — страную и в стране, — консервирующих унаследованную от отцов и дедов рабскую ментальность.** В последние сто-двести лет этот разрыв, в свою очередь можно связывать с тем, что в практике государства российского так и не сложилось промежуточное — оргуправленческое — звено между политическими решениями и их исполнением. Место судьбоносной для современного мира, сложной и специфичной оргуправленческой деятельности у нас занимают так называемое «ручное управление» и система «поручений» [Розин 2013]. В свете сказанного выше это можно трактовать как замещение демократических институтов мегамашинами. Что коренным образом отличает нашу систему правления от сформировавшейся в последние столетия на Западе и влечёт за собой многообразные последствия⁸.

⁸ Сошлёмся на концепцию русской истории как эволюции псевдоморфоз С.А. Королева [Королев 2009]. Подробнее мы поговорим об этом в третьей части работы.

Вместе с тем, система, сложившаяся на Западе лишь в некотором смысле и с натяжкой может служить нам примером. Она с грехом пополам обеспечивает поступательное развитие западного мира, а возникающие там проблемы требуют специального обсуждения: мы только обозначили выше эту тему. Поэтому, с нашей точки зрения, России предстоит непростой путь, а согласно версии ММК, политика и управление у нас должны быть ориентированы именно на *развитие*. Что в корне меняет дело по сравнению с господствующей на протяжении столетий русской истории *модернизацией путём* нерелексивного заимствования западных идей, будь то представительная демократия с ее институтами, фактически организованный в форме мегамшины социализм или псевдолиберальный рыночный фундаментализм. [О нашей интерпретации модернизации и концепции развития ММК см. Рац 2011].

Именно с этой установкой мы связываем возможность исторического перехода от привычно воспроизводящейся, оестествившейся в России системы «судорожной модернизации» к режиму «устойчивого развития»⁹. Другой и не менее важный вопрос, как можно реализовать сказанное, а, с нашей точки зрения, это и есть дело управленцев — в отличие от политиков и властей предрержащих.

1.2. Новая онтология

Мы исходим из убеждения, что чем более масштабные перемены назревают и/или происходят в нашем мире, тем более глубокого переосмысления наших понятий и представлений они требуют. В частности, мы полагаем, что намеченные в п. 1.1 проблемы не имеют решения в рамках сложившихся подходов и представлений, породивших господствующую натуралистическую «научную картину мира». И, пока намеченные проблемы не решены, такая, как говорил Н. Бор, «безумная гипотеза» имеет полное право на существование. Говоря грубо и коротко, мы однозначно отвечаем на вопрос, **почему в нашем мире всё идёт вкривь и вкось: по причине господства онтологии, не релевантной идее преобразовательной деятельности**, которой мы так или иначе вынуждены заниматься.

Но, возвращаясь к заявленной теме, надо принимать в расчёт два обстоятельства. Во-первых, дополняя сказанное в самом начале, заметим, что унаследованные нами от предков и пока господствующие формы (государственного) правления, прежде всего, властные, складывались (нередко на полях сражений), осмыслялись и обсуждались без оглядки на фундаментальное для нас, а в те годы не осознававшееся различие подходов и картин мира. Поэтому естественно надеяться, что учёт этого различия и взгляд на сложившиеся формы с деятельностной точки зрения позволит увидеть идею правления под каким-то новым углом зрения и, может быть, наметить пути к решению поставленных выше проблем. Во-вторых, надо отдавать себе отчёт в том, что фактически «научная картина мира» является *естественнонаучной*, в которой гуманитарная мысль (в широком смысле, включая и социально-философскую) существует на положении Золушки, до недавнего времени не набравшейся окаянства заявить о своей самостоятельности и, скажем прямо, о своем первородстве¹⁰.

Такое «заявление», по существу, было сделано во второй половине прошлого века трудами нашего учителя Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995 и др.] и созданного им Московского методологического кружка. Но подобная заявка требует, разумеется, глубокой про-

⁹ Под устойчивым развитием здесь вопреки бытующим представлениям подразумеваются перемены, идущие в спектре от обогащения арсенала средств мышления и деятельности до повышения производительности труда, качества жизни населения и т. п. Мы готовы в дальнейшем раскрыть этот тезис подробнее.

¹⁰ Точнее говоря, серьёзная попытка такого рода была предпринята неокантианцами, но они не прошли намеченный путь до конца, и им так и не удалось переломить инерцию, а технические достижения цивилизации в XX в. вовсе отодвинули эту задачу на периферию научной мысли.

работки и развёртывания на материале. Эта огромная работа идёт уже полвека, ее малой частью является настоящая статья. Разумеется, мы понимаем, что за сказанным должна была бы следовать развёрнутая аргументация, однако мы вынуждены решать такую трудную задачу частями, и в данной статье ограничимся обсуждением темы, вынесенной в ее заголовок. Но даже постановка нашей цели требует введения некоторого объемлющего контекста, которому и посвящён данный параграф.

Наиболее широким, предельным контекстом для нас служит противопоставление подходов: впитанного нами с молоком матери натуралистического и (системо)деятельностного. Для краткости мы будем говорить о деятельностном, имея в виду все же его версию, разработанную в ММК, вкупе с порождаемой им деятельностной картиной мира, наиболее емко и сжато охарактеризованных в статье Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 143–154]. «Натуралистически организованное сознание — пишет он, — ...не замечает сложнейших структур мышления и деятельности и того обстоятельства, что объект мыследеятельности¹¹ включён в эту мыследеятельность, является функциональным и морфологическим элементом ее, а видит вместо сложнейших структур мыследеятельности только два морфологических фокуса ее — объект и субъект, их оно различает и разделяет, между ними проводит границу, стягивает все «мыследеятельное» к ним одним, а затем полагает между ними отношение, или связь особого рода — познавательно-исследовательскую». «...В этом, по-видимому, величайшая простота и сила натуралистического подхода, его бесспорное практическое преимущество».

Напротив, «наши (деятельностные — М.Р., С.К.) представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности. И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на средства и методы нашей собственной мыследеятельности, творящей объекты и представления о них, и состоит суть деятельностного подхода».

К этому надо добавить, что деятельностный подход не только противостоит натуралистическому, но и включает его в себя в качестве частного случая. Достаточно «выключить» объемлющую, создающую объекты и представления о них мыследеятельность, или (что, в сущности, то же) представить мир «естественным», как деятельностная картина мира превратится в привычную для нас натуралистическую. Иначе говоря, если исходить из того, что искусственное начало привносится в наш мир мышлением (а мы считаем, что дело обстоит именно так), в натуралистической (научной) картине мира, полагаемого как «естественный», нет места для (мысле)деятельности [Рац 2010а]¹². Но в отличие от этой «научной картины», в интересующих нас приложениях к жизни общества именно категория деятельности не только оказывается ключевой [о категории деятельности см. Щедровицкий 1975; Дубровский 2011], но и поворачивается к нам одной из своих сторон, ранее остававшейся в тени. А именно на первый план выходит вопрос о том, что же занимает место деятельности в натуралистической и, в частности, научной картине мира, как деятельность соотносится с этой сущностью.

С этого места мы начинаем восхождение от абстрактных идей деятельностного подхода и соответствующей онтологии к более конкретным, непосредственно интересующим нас идеям власти и управления, а затем и к формам их реализации в истории, прежде всего, истории России. Подчеркнём, что это лишь первые шаги на длинном и трудном пути, который в слу-

¹¹ В неологизме «мыследеятельность» артикулируется, вообще говоря, вовсе не обязательная (а на самом деле довольно редкая) мыслительная составляющая наших занятий. О мыследеятельности см. работу Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 281–298].

¹² А соответственно и для бахтинского «поступка». Мы полагаем, что, по большому счёту, схема мыследеятельности вскрывает структуру поступка, операционализирует поступание как образ жизни, но это ещё нужно специально показывать.

чае успеха может завершиться пересмотром привычных для нас форм организации человеческого общежития.

Поставленный вопрос о «заместителе» деятельности рискует увести нас далеко в сторону от темы данной работы, поэтому будем здесь предельно лапидарны и ограничимся оформленным в виде таблицы представлением о Человеке и человеческом, отсылая за подробностями к обсуждению этой темы в диалоге В. Даниловой и М. Раца [Данилова, Рац 2005]. В таблице, по существу, развёрнуты и сведены воедино три полярных и в некотором смысле фиктивных представления, выделенные ещё полвека назад Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 1995: 367]. Заметим сразу, что это представление находится в русле классической традиции, в которой различаются тело, душа и дух.

Табл. 1.

Три ипостаси человека

Человеческое Ипостаси человека	Основные виды активности и их регулятивы		Типичные формы общения	Характерные формы организации	Срезы «среды обитания»	Фокусировки системы воспроизводства человека	...
	Виды	Регулятивы					
Личность	Мышление и мыследеятельность	Личные ценности и ситуативные цели	Мысль-коммуникация (диалог-2)	Сетевая (клубная)	Мыслекоммуникативный	Образование, воспитание	
Социальный индивид	Деятельность	Функции, нормы, эталоны образцы	Обмен монологами (диалог-1), общение	Иерархическая (учрежденческая)	Социокультурный	Обучение, подготовка	
Биологич. организм	Поведение ¹³	Инстинкты, рефлексы	Передача сигналов	Стадная (толпа)	Материально-вещественный	Обеспечение выживания	

Согласно Щедровицкому [Щедровицкий 1995: 369], первое (снизу) представление «задано материальным устройством в виде „биоида“». Это всего лишь природное существо. «Второе видит в человеке лишь элемент жёстко организованной социальной системы человечества, не обладающий никакой свободой и самостоятельностью, безликого и безличного „индивида“ (в пределе — чистое „функциональное место“ в системе)». «Третье изображает человека в виде отдельной и независимой молекулы, наделённой психикой и сознанием, ... самостоятельно развивающейся и вступающей в связи с другими такими же молекулами, в виде свободной и суверенной „личности“».

Следует иметь в виду, что цитируемые характеристики даны в 1968 г., когда еще только разрабатывалась концепция деятельности, а до идеи и схемы мыследеятельности оставалось больше десяти лет. Теперь же нужно особо подчеркнуть значение верхней, «лично-мыслительной» строки таблицы, которую, следуя традиции, можно противопоставить нижней,

¹³ Поведение, конечно, только условно может быть отнесено к человеческой активности. Оно есть, в сущности, не активность, а нечто, для чего нет обозначения даже в английском языке; говоря словами Р. Коллингвуда [Коллингвуд 1980: 396], «это не *actiones*, а *passions*, проявления воздействия чего-либо на что-то».

связанной с человеческим естеством. Речь идёт о том самом противостоянии искусственного, интеллектуального и естественного, животного начала в человеке, которое осталось за кадром при обсуждении (в п. 1.1) институтов и мегамашин, и которое, между прочим, лежит в основе интерпретации Ю. Афанасьевым [Афанасьев 2008] советского периода русской истории. Это тема отдельного разговора, и здесь мы вынуждены ограничиться только фиксацией своей позиции. А именно, мы солидарны с Д. Быковым [Быков 2006], писавшим, что «человек вообще состоялся ровно в той степени, в какой преодолел свои имманентности: болезнь, старость, бедность (все рождаются голыми), сословные предрассудки, саму смерть. Человек интересен лишь настолько, насколько научился объезжать свое внутреннее животное. Интерес представляет только то, что поднимается над природностью, развивает или отрицает ее»¹⁴.

Для нас не менее значимо различие личности и индивида (в нашей таблице это первая и вторая строки сверху), на котором делает упор в своем анализе современности З. Бауман [Бауман 2002: 132–137], отмечая, что многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями». Он связывает массовость этого явления с запустением общественного пространства, агоры, где обитают граждане. Но индивид как член общества неполноценен, гражданская позиция ему недоступна. Ликвидация пропасти между личностью и индивидом, по Бауману, — путь к освобождению человека, проблема отнюдь не житейской, а большой политики

Нам особенно важен также второй столбец таблицы: всё остальное приводится в качестве контекста, полезного для понимания и развёртывания предлагаемых идей. Теперь от ответа на поставленный выше вопрос нас отделяет только один шаг: в натуралистической картине мира, говорим мы, место мыследеятельности занимает синкрет, «склейка» поведения и деятельности, присущая людям, которых Щедровицкий называл «социобиоидами». Для полноты картины можно добавить, что место мышления занимают в этом случае умозаключения по прототипам, систему которых можно обозначить распространённым и близким по смыслу словом «менталитет» (или ментальность).

Но дальше наступают терминологические трудности. По недостатку языковых средств мы вынуждены принять волевое решение, и будем именовать указанную склейку поведением в расширенном понимании (или социокультурным — СК-поведением), включающем две указанные формы условной и безусловной «активности», которые объединяются идеей воспроизводства и даже сходными его механизмами. В случае поведения биоида это воспроизводство посредством генетических механизмов; в случае социального индивида — посредством культурных норм, эталонов и образцов. В отличие от них, мышление и мыследеятельность мы считаем принципиально невозпроизводимыми (как и личность, а, следовательно, человека в целом). Для краткости и простоты будем далее именовать мыследеятельность М-деятельностью или просто деятельностью¹⁵.

¹⁴ Полезно сопоставить сказанное с распространёнными представлениями, точно выраженными акад. А. Кулешовым при объяснении бурного развития Финляндии — от крестьянской страны к одному из заметных в современном мире кластеров науки и образования (<http://www.novayagazeta.ru/society/60624.html>). «На протяжении последней пары поколений она (Финляндия) вкладывает в удельном смысле больше остальных стран в образование и науку» и преуспевает: «Социальный вектор развития общества формирует биологическую эволюцию» (Выделено нами — МР, СК). Очень характерный для нынешнего состояния сознания людей, в т. ч. и учёных, тезис. С нашей точки зрения, говорить надо не о социальном векторе, а о направлении (общественной) мысли, порождающем соответствующий социальный вектор. Это принципиальный для нас момент.

¹⁵ Мы бессильны преодолеть возникающие здесь языковые трудности и вынуждены просить читателя ориентироваться далее по контексту. Дело в том, что, в зависимости от ситуации, иногда приходится иметь в виду все три строки нашей таблицы, а иногда объединять их попарно, в данном случае (имея в виду второй столбик таблицы) поведение с деятельностью, в других — деятельность с мыследеятельностью. В истории ММК до появ-

Поясним, почему и в каком смысле мы считаем мышление и М-деятельность невоспроизводимыми, а потому и не подведомственными науке (галилеевского типа). Последнее вовсе не означает, что они могут осуществляться, «как попало»: они подчиняются определенным правилам (например, логики), а нередко вместе с тем и определенным формам существования (например, институтам), но, тем не менее, в каждом конкретном случае рождаются заново. Это происходит только и исключительно при условии и в результате выработки личного отношения субъекта к предмету мысли и/или предстоящего действия. Вот такое соотношение ситуации и вырабатываемое в рефлексии личное отношение невоспроизводимо в принципе, о чем без малого сто лет назад писал М. Бахтин [Бахтин 1986].

Поэтому, в частности, неокантианская идея коренного различия номотетических и идеографических наук совершенно верна (а привычные в России марксистские догмы ошибочны), хотя сам принцип их выделения, — а тогда уж и наименования — требует переосмысления. Будучи ориентированными соответственно на объекты vs мышление и деятельность, они различаются не только методом (на чем делали упор неокантианцы), но и предметом. Об этом мы ещё скажем несколько слов ниже (см. п. 1.3).

Итак, считая, что место искомой сущности в натуралистической картине мира занимает СК-поведение, коротко обсудим возможное в рамках наших целей соотношение поведения и М-деятельности. Это непривычная постановка вопроса. Трудность связана с тем, что деятельностная картина мира зарождалась в недрах натуралистической, и «само понятие деятельности формировалось из понятия „поведение“» (Щедровицкий). Соответственно деятельностная картина не проработана пока с детальностью, сколько-нибудь сопоставимой с проработавшейся на протяжении четырёх столетий естественнонаучной. В господствующих синкретических представлениях деятельностный и натуралистический подходы и порожаемые ими картины мира не различены достаточно последовательно и жёстко, а потому поведение и деятельность мирно сосуществуют в обеих, не прочищенных, как следует, картинах и часто трактуются едва ли не как синонимы. В психологии, где эти темы изучены наиболее детально, с деятельностью связываются «высшие формы поведения» (или «высшие психические функции»).

Таким образом, **мы будем трактовать СК-поведение и М-деятельность как два полярных и одновременно взаимно дополнительных способа, или две схемы осуществления одних и тех же занятий.** СК-поведение мыслится как осуществляемое в натурально представленном мире, М-деятельность соответственно — в деятельностном. И то, и другое суть идеальные типы: реальные люди «за окном» подобно мольеровскому герою просто делают то, что им нужно, ничего не зная о подобных различиях. Мы же попробуем теперь произвести сопоставление этих идеальных типов, но понимать нашу работу, сообразно сказанному, нужно не как их сравнительное изучение в качестве предзаданных и существующих независимо от нас, а, скорее как вклад в их конструирование посредством противопоставления. Такая, в рамках искусственного подхода, постановка вопроса, повторим, достаточно непривычна, что позволяет нам не загромождать изложение обзором научной литературы, но вместе с тем она может показаться неприемлемой для многих читателей. Однако этот путь приводит к непротиворечивым и достаточно правдоподобным результатам.

Поскольку нашей целью здесь является сопоставление различных форм правления, закончим разговор об их контексте — М-деятельности и СК-поведении — прямым сопоставлением последних. Если иметь в виду наш интерес (здесь и теперь) к общественно-политической проблематике, то **мы можем говорить о деятельностной и поведенческой онтологиях, которые репрезентируют в этой предметной области соответственно деятельност-**

ления идеи и схемы мыследеятельности поведению биоида противопоставлялась деятельность, обозначавшая именно то, что сейчас мы именуем склейкой деятельности с мыследеятельностью.

ную и натуралистическую картины мира. Данное утверждение, как и дальнейшее сопоставление делаются нами из позиции методологической рефлексии.

А. Начать можно с того, что М-деятельность и СК-поведение в пределах «своих» картин мира обладают совершенно разными статусами.

Деятельностная картина мира, собственно, так и называется, потому что в ее рамках, согласно Г.П. Щедровицкому, деятельность есть предельная реальность (субстанция), к которой в конечном итоге сводятся все социокультурные предметы и явления на правах видов и форм ее самопроявления. (Здесь имеется в виду склейка деятельности и М-деятельности.) Деятельность существует и воспроизводится в истории, а не на отдельных людях. Универсум деятельности (онтологически) тождественен человеческому миру как таковому, деятельность среди прочего выступает как конституирующее начало Человека и человеческого. Например, только приобщаясь к ней, ребёнок становится человеком.

Естественнонаучной картине мира присуще, напротив, индивидуально-психическое ее понимание. В этом случае «деятельностью» именуется особая эманация человека, индивидуальный человек (или сообщество) рассматривается как источник и производитель такой «деятельности». (Кавычки здесь специально поставлены авторами — сторонниками деятельностного подхода.) Для М-деятельности в натуралистической картине мира, строго говоря, нет места, а деятельность фактически становится едва ли не синонимом поведения (на сей раз без эпитета «СК»), которое понимается обычно как естественная, присущая различным биологическим объектам «система действий по поддержанию своего существования» (НФЭ). Между прочим, эта система действий по факту связана с переменами в среде обитания, но, что для нас важно, она реактивна, безрефлексивна и лишена какой-либо преобразовательной интенции.

Б. В рамках деятельностной картины мира СК-поведение ориентировано на окружающие нас *вещи*, пусть и в расширительном смысле, но понимаемые в античной традиции как видимые/ощущаемые (в отличие от мыслимых), как то, что имеет границы и место в пространстве-времени. (Здесь полезно вспомнить, что вещи принудительны по отношению к жизни человека: мы живём в доме согласно его планировке, а пуля и вовсе может убить). В отличие от этого, М-деятельность регулируется *идеальными сущностями*, такими как цели, ценности, ситуации, нормы, знания, проблемы и задачи и т. п. Но из опыта следует, что любая практика обязательно включает обе эти составляющие и должна соответственно мыслиться в виде сложно организованной «кентавр-системы». Понятно, например, что проектируемое инженером строительство или разрабатываемая в штабе войсковая операция не могут завершиться иначе как работой с вещами.

Специальная и очень важная тема: замещение (или дополнение) идеальных сущностей вещами по мере реализации наших преобразовательных замыслов, часто фиксируемое и стягиваемое в точку сменой режима реализации замысла с проработки на исполнение принятого решения. Об этом далее нам предстоит подробный разговор.

Еще важное обстоятельство, требующее отдельного разговора: идеальные сущности можно представлять и описывать натуралистически. Это ведёт к потере их сущностных составляющих, но, тем не менее, характерно для массового социогуманитарного «образования» и соответствующей «науки» и «практики».

В. СК-поведение отчасти присуще любому живому «биологическому объекту» от природы, отчасти приобретает в ходе социализации, но откуда берётся М-деятельность? Наш ответ состоит в том, что М-деятельность возникает, хотя и опосредованно из осознания неудовлетворённости сложившимся положением дел и ходом вещей, в т.ч. собственными занятиями. «Неудовлетворенец» и «удовлетворенец» (по выражению Р. Акоффа) — две классические полярные позиции. Первая из них порождает любые преобразования в нашей жизни,

будь то революции, реформы или инновации, а ко второй относится афоризм М. Горького: «Консерватизм возникает на почве удобств». (Тезис, важный для понимания происходящего в России).

Но неудовлетворенность — лишь необходимое условие порождения М-деятельности (она может находить выход во фрустрации или агрессии): достаточным является ее проработка посредством рефлексии и мышления. В. Франкл [Франкл 2009] обсуждает эту тему как обретение смысла жизни.

Г. Сообразно сказанному в п.п. Б и В, М-деятельность оказывается активной, целенаправленной, всегда преобразовательной; СК-поведение — адаптивным, реактивным. В СК-поведении место формируемых мышлением целей заменяют эмоции, «хотелки» («Чтоб служила мне рыбка золотая / И была б у меня на посылках»), либо, наоборот, — внешнее принуждение (рабский, в пределе — сизифов труд)¹⁶. Но чаще всего СК-поведение осуществляется просто по привычке, автоматически. Иными словами, СК-поведение — в принципе безрефлексивно и соответственно бессмысленно, деятельность же, напротив, может быть только осмысленной, точнее, постоянно осмысляемой и переосмысляемой. Целенаправленность, осмысленность — вот, что отличает действия, поступки от поведенческих актов. Деятельность описывается в рамках телеологической логики, поведение — каузальной.

Д. СК-поведение воспроизводится индивидом, пока в нем не проснется рефлексия, которая может вывести его в мышление. Напротив, в мире М-деятельности действует своего рода закон, аналог второго начала термодинамики: **без периодического подключения рефлексии и мышления деятельность имеет тенденцию к автоматизации, вырождению в привычное СК-поведение**. Периодические выходы в рефлексию — важнейшее средство возвращения к М-деятельности, предохраняющее ее от долговременного скатывания в СК-поведение¹⁷.

Если и можно говорить о воспроизводстве мышления и М-деятельности, то именно в этом смысле: как о сохранении/воспроизводстве условий выхода в рефлексию, чему может способствовать институциональная организация, если и когда она связана с М-коммуникацией.

Заканчивая наше сравнение, нужно заметить, что различие поведения и деятельности в явном виде нам не встречалось, хотя, что называется, висит в воздухе. Примеры противостояния искусственного, интеллектуального начала и «естества» человеческого можно перечислять долго, но мы ограничимся двумя. Вспоминая сказанное в п. Б о натурализации идеальных сущностей и массовом образовании, сошлёмся на книгу Д.Т. Гатто [Гатто 2006] с «говорящим» названием «Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя», где речь идёт о жизни детей, постоянно ждущих распоряжений учителя, что и как надо делать. Ученики просто воспроизводят то, что в них вкладывают, не проявляя инициативы, не вырабатывая личного отношения к предмету, не привнося никакой своей оценки. Как писала в свое время Х. Арендт, «формирование убеждений никогда не было целью всеобщего государственного образования. Целью было уничтожение возможности сформировать их самостоятельно» (цит. по книге Гатто). А вот точная фиксация В.В. Жириновского (в диалоге с Г. Хазановым): «Вы обращаетесь к разуму, а я — к инстинкту»¹⁸.

С учётом всего сказанного, не приходится удивляться тому, что СК-поведение и М-деятельность находят свои формы выражения в способах правления, в том числе государственного. Следуя этой логике, **мы можем сделать ещё один шаг на пути от абстрактного к**

¹⁶ Это противопоставление обыгрывается в знаменитом стихотворении Р. Кипплинга «Раб, который стал царём».

¹⁷ Об этом ставшие хрестоматийными строки Н. Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться...».

¹⁸ См.: <http://www.youtube.com/watch?v=fTgZAK9dZAI>

конкретному и различить две идеальные формы правления: властную и управленческую. (Здесь имеется в виду власть человека над человеком, о власти закона мы поговорим дальше на своем месте). Первая господствовала на протяжении всей истории, вторая начала распространяться преимущественно в Новое время в результате буржуазных революций, а начала осмысливаться как таковая и автономизировалась вовсе лишь в прошлом веке. Сопоставим предельно лапидарно эти формы правления, учитывая, что вся наша дальнейшая работа, собственно, и посвящена их сопоставлению.

а. В свете оппозиции натуралистической и деятельностной онтологии, в особенности на фоне исторически сложившихся представлений о сакральном характере власти, бесконечных попыток ее переосмысления, предпринимавшихся, что называется, лучшими умами человечества, и современной научной квалификации ее как сущностно оспариваемого понятия, вопрос о власти приобретает совершенно новое звучание. А именно: в отличие от управления, трактуемого как особый тип М-деятельности, **власть следует мыслить не как деятельность, а как социальное отношение, а ее проявления — для начала (далее см. п. б) — как особую форму СК-поведения.** При этом, по словам Щедровицкого [Щедровицкий 2003: 276], «одни люди узурпируют власть, присваивают ее себе, отнимая у других». Как и выше, в случае с СК-поведением и М-деятельностью, речь идет именно об идеальных типах правления: в реальности преобладают смешанные типы.

Борьба за власть (за авторитет, за имидж самого главного, самого мудрого, отца народа и т. п.) как самоценность — это все присуще поведению, а М-деятельность здесь может появиться и появляется в обеспечивающей функции: как средство борьбы за власть. При этом эта деятельность может носить самый разный характер: от вульгарного популизма до заботы об обороне страны, или — для разнообразия — о науке и образовании. Главное, что всё это преследует цель завоевания или удержания власти. Как «уход от существа дела» этот феномен был описан ещё М. Вебером [Вебер 1990: 691, 692]. «„Политик одной только власти“, культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит в пустоту и бессмысленность». В отсутствие служения делу, идее, веры в идеалы, «проклятие ничтожества твари тяготеет и над самими, по видимости, мощными политическими успехами» в борьбе за власть.

б. Понимание управления в ММК [Щедровицкий 2000; Щедровицкий 2003] довольно близко к принятому в менеджменте [см., например, Друкер 2000], но предельно далеко от кибернетического. А именно управление трактуется как М-деятельность, призванная реализовать представления о будущем управляемой системы (которое завтра станет ее настоящим). Осуществляется же оно путём непосредственной передачи в управляемую М-деятельность тех или иных организованностей, которые должны ее изменить. Место таких организованностей могут занимать ценности, цели, нормы, знания, проекты — от идей до прямых указаний. Но принципиально важно, что передача эта осуществляется посредством *диалога*. Применительно к западным странам, об этом как о факте пишет, пользуясь сложившейся терминологией, цитированный уже В. Пономарев [Пономарев 2010]: «система политического управления, основанная на властной иерархии и статусном подчинении, сменяется коммуникативным взаимодействием гражданского общества и власти».

Если кибернетические представления предполагают операции с двумя рядоположенными системами — управляющей и управляемой, — здесь имеется в виду структура «матрешки», где управляющая система как бы надстраивается над управляемой, рефлексивно объемлет и охватывает ее. Кажется, это особенно наглядно применительно к государству, а именно о государственном управлении чаще всего идет речь в связи с политикой. Такая схематизация позволила Г.П. Щедровицкому [Щедровицкий 2000: 38; Щедровицкий 2003: 222, 229, 240] зафиксировать важнейшее обстоятельство: управление оказывается очень специфическим ти-

пом занятий, а именно это особая деятельность над деятельностью (далее Д/Д, подробнее о ней ниже)¹⁹.

γ. В отличие от управления, власть устроена иерархически: здесь работает не матрешечная схема рефлексивного охвата, а кибернетическая схема двух подсистем: властвующей (наверху) и подвластной (внизу). При этом **в отличие от управления деятельностью (Д/Д) власть осуществляется над людьми и их поведением**. Важнейшее отличие характеризуемой связки от оргуправленческой системы определяется *монологичностью* власти: подвластные получают от нее только не подлежащие обсуждению приказы и поручения. Будут ли они как-то осмысливать порученное им дело, вырабатывать к нему личное отношение, — это власть не интересуется. Ей важно только исполнение.

Но этого мало. Поскольку власть обычно имеет дело с массовой «исполнительской деятельностью» (которая для нас перестаёт быть таковой, вырождаясь в СК-поведение), планирование и пресловутая «проверка исполнения» осуществляется не по содержательным результатам работы в конкретной ситуации, а с помощью специальных усреднённых и внеситуативных «показателей», неизбежно выхолащивающих существо дела. В итоге исполнители ориентируются только на достижение «показателей», порождая, в конечном счёте, так называемые «фиктивно-демонстративные продукты», особенно характерные для советских времён, но широко распространённые и поныне²⁰.

δ. Определяющей особенностью властной формы правления оказывается в итоге явный или, чаще, неявный запрет подвластным (в пределе — крепостным, рабам) ориентации на собственные цели. Тем самым исключается сама возможность появления М-деятельности по понятию. **Суть властной формы правления** — не только и не столько в том, что делают власть имущие (спектр их возможностей достаточно широк), сколько **в ограничении самоопределения подвластных**, отношении не к их (личной) позиции, а к ним как индивидам, социобиоидам. В отличие от управления и Д/Д, **властное правление осуществляет деятельность** (а в пределе даже поведение) **над поведением**.

Это и есть знаменитая проблема отчуждения. Опыт XX века свидетельствует: дело не в эксплуатации человека человеком, которой объявил войну К. Маркс, а во власти, точнее, по словам И. Шапиро [Шапиро 2012], в злоупотреблении властью: в господстве человека над человеком. Как говорил Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2003: 277], Маркс «почему-то не обсуждал вопроса: избавимся ли мы от отношений „господство — подчинение“, если избавимся от господства буржуазных отношений. И оказалось, что уничтожение эксплуататорских буржуазных отношений не есть уничтожение отношений „господство — подчинение“ между людьми вообще». Но именно здесь проходит граница между рабским трудом и осмысленной М-деятельностью. Это, с нашей точки зрения, ключевой момент для понимания ситуации не только в прошлом, но и в современной России, да и во всем мире.

Поэтому мы оставляем в стороне все эти «буржуазные отношения», и «эксплуатацию человека человеком», по-прежнему властвующие над умами большинства отечественных мыслителей, и занимаемся тем, чем занимаемся. В сущности, это та же проблема (не-)господства, которая активно обсуждается на Западе (обзор и библиографию см. в указан-

¹⁹ Строго говоря, здесь следовало бы везде писать М-деятельность, но приведённая версия терминологии была предложена Г.П. Щедровицким ещё до появления схемы М-деятельности, и мы оставляем ее в прежнем виде, в том числе и ради простоты.

²⁰ В другой интерпретации (закон Гудхарта и др.) это явление хорошо известно социологам и экономистам. Именно на такого рода показателях основываются попытки выстроить внешнее управление наукой в ходе реформы РАН. См. Фейгельман М., Чеботарев П. Blitzkrieg завершен, объявлен Neuordnung. http://polit.ru/article/2013/11/19/new_ordnung/; Неретин Ю. Великий библиометрический джихад. http://www.ng.ru/nauka/2013-12-11/11_ran.html

ной работе Шапиро) и имеет свою проекцию в отечественной общественной мысли [см., например, Афанасьев 2008].

По совокупности сказанного власть может трактоваться как превращённая, оестествившаяся форма управления: это карикатура на управление, «управление», лишённое сущностной рефлексивно-мыслительной составляющей. В дальнейшем мы рассмотрим эту тему подробнее. Во избежание ненужных споров договоримся ещё сразу, что мы будем вести речь только о власти над людьми, оставляя в стороне власть над дискурсом или над животными.

С феноменологической точки зрения, сопоставляя власть и управление, мы не открыли никакой Америки. В сущности, речь идёт об углублении и категориальном оформлении оппозиции, известной в форме противопоставления авторитаризма и демократии, а также открытого для себя теоретиками бизнеса аналогичного противопоставления традиционного («теории X») и перспективного («теория Y») подходов к менеджменту [Клок, Голдсмит 2004]²¹. Однако если учесть связанные с обсуждаемой оппозицией намеченные в п. 1 проблемы, то именно необходимость ее углублённой проработки оказывается достаточно понятной. Речь идёт о коренном переосмыслении понятий. Например, управление вовсе не связано с выборами в их современном институциональном, далёком от мыследеятельностного оформлении (тут полезно вспомнить о республиканской традиции и делиберативной демократии), которые, напротив, успешно используются властью (тут тоже есть, что вспомнить: от Д.С. Милля до Ю. Латыниной), но считаются важнейшим элементом демократии.

Подводя итоги сделанным сопоставлениям, заметим, что, с нашей точки зрения, **все проблемы, обсуждавшиеся в разделе 1.1, имеют общие корни. Эти корни — устойчивое господство (во многих регионах мира) и/или наступление СК-поведения и соответствующего ему властного правления, вытесняющие на периферию М-деятельность и соответственно Д/Д. Но именно в последних мы усматриваем определяющую особенность современной европейской культуры, их мы защищаем и отстаиваем.** Более того, защиту и встречное наступление М-деятельности и Д/Д мы считаем генеральным направлением работы нашего (вышедшего из ММК и наследующего его идеи) сообщества. В этих рамках мы осуществляем и настоящую свою работу.

При этом, поскольку мы видим свою очередную задачу в развёртывании представлений о Д/Д, охарактеризуем наши, основанные на упоминавшихся работах Щедровицкого исходные представления на этот счёт.

1.3. Деятельность над деятельностью: исходные позиции

К сожалению, идея типов М-деятельности, предвосхищенная М. Вебером [Вебер 1990] в его знаменитых статьях о науке и политике как «призвании и профессии», кажется, только в ММК получила свое развитие и распространение. Поэтому мы должны, прежде всего, пояснить, что типами М-деятельности (МД) мы называем особые связки мышления и деятельности, сформировавшиеся в ходе исторического процесса разделения труда, обладающие своим местом и функциями в универсуме мышления и деятельности и характеризующиеся специфической — для каждого типа МД — системой методов и средств.

В отличие от специальности, профессии или работы согласно должностной инструкции, к М-деятельности того или иного типа люди прибегают по ситуации (и, разумеется, в границах своей компетенции), что, однако, не мешает им специализироваться как управленцам, политикам, учёным или проектировщикам. Добавим, что проектировщик, к примеру,

²¹ Эти авторы с полным основанием трактуют пришедший в упадок авторитарный, патерналистский менеджмент как традиционный (с. 16).

остаётся проектировщиком, независимо от того, занят ли он дизайном дамского платья или проектированием АЭС: это всего лишь различные предметные приложения проектирования. Вообще же вопрос о таксономии М-деятельности почти не проработан и стоит на повестке дня современной мысли. Мы ограничиваемся далее обсуждением только одной группы типов М-деятельности — Д/Д.

Г.П. Щедровицкий говорил: «Тезис, что организация, руководство и управление (далее ОРУ — М.Р., С.К.) имеют своим предметом не технологию, а живую деятельность и мышление людей, мне очень важен. Это принципиальнейшая характеристика оргуправленческой работы. Итак, организация, руководство и управление — это деятельности непроеизводственного порядка. Они отличаются тем, что это *деятельности над деятельностями*, и что они противостоят деятельности по преобразованию материала» [Щедровицкий 2003: 222, выделено Щедровицким]. От себя можем добавить, что указанное противостояние в некотором смысле и является отправной точкой данной работы: властное правление, с современной точки зрения, есть не что иное, как распространение «инженерного» подхода на мир деятельности, человека и общество.

Щедровицкий указывал также, что Д/Д включает в себя не только ОРУ, но и другие типы деятельности: политику и разного рода «введения» (литературоведение и т. п.). К сожалению, идея Д/Д до сего времени прорабатывалась в методологическом сообществе лишь фрагментарно, преимущественно по линии оргуправленческой деятельности, в контексте обсуждения которой и была изначально сформулирована.

Объясняется это тем, что в силу исторических причин в большинстве публикаций ММК речь шла об общей теории деятельности, а Д/Д лишь упоминалась как ее особый частный случай. Для наших целей важно «уравновесить» деятельность с косным материалом (Д/М) и Д/Д²², отдавая себе отчет в том, что первая обеспечивается всей мощью современного естествознания, в то время как вторая была осознана как таковая и начала осмысливаться сравнительно недавно, только в XX в. Ее интеллектуальное обеспечение лишь начинает разрабатываться, на чем и фокусировались интересы ММК в последние десятилетия. Лучше поздно, чем никогда, потому что наши производственно-технологические достижения в сфере Д/М рискуют оказаться и часто оказываются неэффективными: все зависит от Д/Д, ответственной за организацию и сорганизацию различных систем деятельности между собой. Собственно говоря, и методологию можно трактовать как сферу интеллектуального обеспечения Д/Д по аналогии с галилеевской наукой, обеспечивающей необходимыми знаниями Д/М и, прежде всего инженерии.

Общий момент, объединяющий все типы Д/Д, на первый взгляд, кажется чисто негативным: ни один из них не ориентирован непосредственно на производство каких бы то ни было материальных ценностей. Но они призваны делать нечто большее — создавать и поддерживать условия, в которых представители иных родов деятельности могут производить материальные ценности. А это значит, что благодаря им существует общество как таковое. Чтобы успешно отправлять эту сверхсложную функцию, им приходится брать на себя ответственность за скоординированное, взаимно полезное осуществление деятельности представителями самых разных специальностей, занимающими другие позиции.

Итак, Д/Д противопоставляется Д/М²³. В свою очередь Д/Д, по нашей версии, распадается на две группы типов деятельности. Первая — это вспомогательная группа деятельности ориентированных наук типа, например, политико-управленческих или упомянутых веде-

²² Это различие прослеживается с античных времен и в явном виде зафиксировано М. Вебером [Вебер 2007: 14].

²³ Первая описывается известной в методологии оргтехнической схемой, вторая — схемой акта действия. См. об этих схемах: Щедровицкий 2000: 36–38.

ний, призванных обеспечивать необходимыми знаниями собственно Д/Д. Вторая группа — это «собственно Д/Д» включающая политику, триаду организации, руководства, управления (ОРУ), а так же объединяющее и модифицирующее перечисленные занятия предпринимательство и, наконец, нормоконтроль/нормотворчество. Особо отметим, что Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2003: 253–255, 276–284 и др.] наметил и положение границ между политикой, управлением и властью, хотя по условиям времени не мог развернуть эту тему и организовать ее проработку.

Но по этой причине не могла быть построена и структура Д/Д в целом: слова «Д/Д» оставались скорее метафорой, чем обозначением определённого понятия и соответствующего объекта. **Ликвидацию этого вынужденного обстоятельствами времени пробела мы вынуждены взять на себя,** начиная ее в настоящей работе, здесь и теперь.

Что касается науки, то мы сталкиваемся здесь с принципиально новой ее типологией. Упомянутые деятельностно ориентированные науки (НИР-2) призваны обеспечивать знаниями управление в широком смысле (Д/Д) и направлены на разработку нормативных теорий. В отличие от них, традиционные объектно ориентированные науки (НИР-1), обеспечивают производство, т. е. работу с косным материалом (Д/М) и нацелены на позитивные теории. Эта идея, упрощенно представляемая нами на схеме 1, также принадлежит Щедровицкому [Щедровицкий 1979]. Здесь мы говорим об этой новой типологии НИР для полноты картины: вообще, конечно, она требует отдельной проработки. Ниже мы сосредоточим внимание на собственно Д/Д: политике, ОРУ и нормоконтроле, которые и будем дальше для краткости именовать Д/Д, не возвращаясь более к науке.

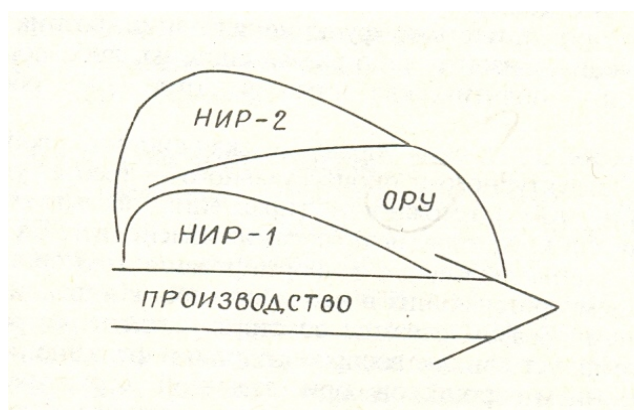

Рис. 1. Схема, иллюстрирующая различие объектно и деятельностно ориентированных исследований и соответствующих знаний.

Вернёмся, однако, к сопоставлению Д/Д с Д/М, а именно сопоставим складывающиеся представления о преобразовании косного материала (Д/М) и деятельностных систем («собственно» Д/Д). Использование научных (НИР-1) знаний применительно к Д/М в Новое время породило важнейшую профессию инженера. И здесь мы можем повторить уже знакомый вопрос: что занимает место — на сей раз инженерии — в системе Д/Д? Ответ, который мы надеемся пояснить и развернуть далее, состоит в том, что это место занимает управление. Причём противопоставление инженерии и управления, как ни странно, имеет преимущественно политическое значение. В свете всего изложенного выше это понятно: отношение к управляемой системе как к косному материалу уже в случае работы с крупными техно-природными системами проблематично, в случае же Д/Д «инженерный» подход выливается в известные эксцессы большевизма.

Историю этого вопроса можно проследить, начиная с «ревизиониста» Э. Бернштейна²⁴, через различие «тотальной» и пошаговой, поэлементной (piecemeal) социальной инженерии К. Поппера [Поппер 1993], проектного и программного подходов Щедровицкого, методологии организации общественных перемен С. Попова [Этюды..., 2002] — вплоть до нашего сопоставления власти и управления.

Сказанное в этом разделе можно резюмировать так. **Идея Д/Д позволяет с единой точки зрения взглянуть на всю предметную область «политико-управленческих наук» (а затем и на сами эти науки, но это вопрос второй). Впервые возникает перспектива анализа политики, управления и власти в их взаимосвязи и взаимодействии, как единой системы Д/Д, которую мы и намечаем далее.**

1.4. О предстоящей работе

Всё это позволяет, наконец, сформулировать цели нашей работы. В рамках обобщённого представления о Д/Д прорисовывается целый «пучок» деятельностей разных типов, ориентированных на преобразование других систем деятельности, чем они и отличаются от деятельностей с косным материалом (Д/М). Так вот, **наша цель** во второй части данной работы **состоит в том, чтобы представить целостную систему Д/Д, отчасти уже реализованную в общественно-исторической практике, отчасти же лишь проектируемую нами здесь и теперь; систему, которая позволяет свести к минимуму властные отношения господства/подчинения между людьми.** (Вопрос о соотношении власти и отношений господства-подчинения будет рассмотрен на своем месте.) Если угодно, — наметить систему «разделения труда» в сфере Д/Д в духе идей, которые обсуждает в последние годы П.Г. Щедровицкий (хотя соотношение «деятельности» с «трудом» отдельная и очень важная тема).

Мы полагаем при этом, что именно система Д/Д является тем оружием, институционализация которого (если и насколько она возможна) позволит успешно противостоять экспансии мегамашин. Говорить же о воспроизводстве и институционализации мышления и М-деятельности (со сделанной в скобках оговоркой: если и насколько она возможна), или о воспроизводстве их условий (как это сделано ранее), с нашей точки зрения, безразлично. Как о стакане, наполненном на половину или полупустом.

С нашей точки зрения, предлагаемая далее картина Д/Д может и должна использоваться затем в качестве идеала организации мира деятельности, а тем самым и человеческого общежития в странах европейского культурного ареала и, прежде всего, в России: именно ситуация в России является отправной точкой нашей работы. Как ни парадоксально, мы при этом согласны с И. Шапиро [Шапиро 2012: 33], чей «политический идеал избегает конструирования „правильной“ модели общества и предписаний того, как ее достичь. Он скорее обращён к энергии и изобретательности людей, к их способности создавать практики, противодействующие господству или предотвращающие его появление». Но дело в том, что человеческая инициатива, на которую мы уповаем, как и Шапиро, требует для своего проявления определённых условий, именуемых обычно свободой. Её-то и призвана обеспечивать предлагаемая модель.

В связи со сказанным полезно ещё раз вспомнить о «текучей современности» Баумана, где меняется ориентация общественных преобразований. «Наши предки... меняли мир с целью сделать его неизменным. Такова была идея идеального общества. Например, коммунистического. Сегодня мы продолжаем менять мир, ни на что уже не надеясь» [Бауман 2006а].

²⁴ Суть его позиции, напомним, состояла в требовании к товарищам по социал-демократической партии отказаться от революционной идеологии и перейти к концепции эволюционизма и социального реформизма и, в частности, посредством местного самоуправления.

Мы не столь пессимистичны и считаем, что, меняя наш мир в период межвременья, упор надо делать не на конечную цель, а на принимаемые нами формы организации и способы действий. То, что будет получаться в итоге, прежде всего, будет зависеть от них.

В отличие от большинства авторов, пишущих на подобные темы, мы не работаем в привычных жанрах самодовлеющего анализа (существующего положения вещей), исследования (каких-либо предзаданных нам объектов), прогноза (обозримого будущего) или сценирования возможного хода событий. Нашу работу вернее понимать как проектно-изыскательскую (или проектно-исследовательскую), включающую в обязательном порядке пару: анализ существующей практики в сопоставлении с проектом желаемого (нами) состояния дел. Именно на основе такого сопоставления строятся ответы на вопросы, что и как делать сегодня, которые, собственно, и являются предметом дальнейшего обсуждения, на первом шаге по необходимости носящего предельно абстрактный характер. Вслед за тем предстоит упоминавшаяся работа восхождения от абстрактного к конкретному [Зиновьев 2002; Щедровицкий 1975b], но, как говорится, даже самая длинная дорога начинается с первого шага.

Таким образом, по своему содержанию настоящая статья покрывает предметные области целого ряда научных дисциплин (прежде всего, так называемого «политико-управленческого» ряда), политической философии и общественно-политической мысли в целом. Поэтому предлагаемая далее картина пишется **крупными мазками, и мы вынуждены опускать массу «подробностей», каждая из которых требует специального обсуждения, а за многими таятся проблемы.**

Если иметь в виду проектную составляющую нашей работы применительно к России, пока что мы делаем лишь первый шаг из трех на пути реализации нашего замысла. Второй шаг предполагает обсуждение, критику и проблематизацию предлагаемой ниже идеальной картины с последующей ее до- или переработкой. Только на третьем шаге целесообразен переход к программе действий, ориентированных на движение в сторону принимаемых идеалов, которые могут далеко уйти от предлагаемых изначально здесь и теперь. Таким образом, здесь мы предлагаем не ответ на классический вопрос «Что делать?» (в сегодняшней России), а материал для предварительного обсуждения этой темы. Попросту говоря, с учётом безмерной ответственности решения, прежде чем отрезать, предлагается семь раз отмерить и опробовать предлагаемую схему в собственной деятельности.

В третьей части работы мы постараемся проследить, как формировалась сфера Д/Д на протяжении истории, и каковы перспективы ее развития с параллельным оттеснением и локализацией власти — преимущественно на российском материале.

Дальше, однако, нам придётся преодолевать языковые трудности, обусловленные переходным характером нашего времени. Дело в том, что смена онтологии — в данном случае натуралистической на деятельностьную — влечёт за собой и смену языка. Но начинать мы вынуждены, пользуясь уже сложившимся языком и последовательно выстраивая новые деятельностные понятия взамен отживающих свой век натуралистических. В первую очередь это касается политики, управления, власти и (принятия) решений, а в итоге и демократии.

2. Деятельность над деятельностью: общий вид

Это ведь есть азы той грамоты, которую должен знать человек XX и XXI века: типы деятельности, как они соединяются друг с другом, каковы законы каждого из них.

Г.П. Щедровицкий

Итак, теперь, во второй части работы мы будем конструировать систему правления для деятельностного мира, где должна быть исключена власть человека над человеком, и где (в рамках развиваемых представлений) только и может реализоваться конструкция, именуемая «правовым государством».

2.1. Основные типы Д/Д в схеме реализации преобразовательных замыслов

Повторим: любые преобразовательные замыслы всегда начинались и начинаются с осознания того, что не удовлетворяет субъекта, с прорисовки им ситуации и ответа на вопрос «Что делать?». (Другое дело, что в повседневной жизни мы ничего подобного можем не осознавать). Если речь идёт о Д/Д, ответ на этот вопрос мы квалифицируем как политическое решение, которому обычно предшествует борьба субъектов, имеющих общую сферу интересов (politics в отличие от итоговой политической линии — policy). Для полноты картины добавим, что в работе предпринимателя функциональным аналогом выработки policy оказывается самоопределение и целеполагание предпринимателя.

Вопрос о том, как (в борьбе) формируются и принимаются «политические решения», представляет самостоятельный интерес, и ему посвящена обширная литература, но нас интересует вопрос о дальнейшей судьбе такого «решения»: берём его в кавычки, поскольку в общем случае вовсе неизвестно, будет ли оно реализовано, и чем дело кончится²⁵. К теме «решений» мы ещё вернёмся, в основе же наших построений лежит *жизненный цикл преобразовательных замыслов*, легитимируемых победой его сторонников в политической борьбе и порождающих новый раунд этой борьбы. Замыслы эти проходят в процессе своей реализации очень непростой путь, характер и степень осознания которого зависит от культурно-исторических условий.

Любая деятельность, по понятию, является преобразовательной, и, если вспомнить знаменитое марксово сравнение архитектора и пчелы, важнейшую роль для понимания этого обстоятельства имеет замысел. Основные этапы его жизненного цикла в первом приближении можно обозначить вопросами:

- Что делать (в сложившейся, но переставшей удовлетворять нас ситуации)?
- Как (реализовать замысел перемен)?
- Как, приняв тот или иной способ действий, обеспечить стабильность преобразуемой системы в целом и минимизировать возможные негативные последствия?

Этим трем вопросам можно поставить в соответствие три типа Д/Д, исторически сложившиеся к нашему времени для ответа на них в процессе общественного разделения труда: политику (П), призванную отвечать на первый вопрос, организационно-управленческую деятельность (короче, управление — У), отвечающее на второй, и обеспечиваемый властью закона нормоконтроль (НК), ответственный за решение третьего. Но здесь неизбежно возникает

²⁵ В качестве характерного в этом смысле решения можно вспомнить хотя бы о памятной «монетизации льгот»

дополнительный, четвёртый вопрос: что происходит, если замысел перемен предполагает изменение действующих законов? Очевидный ответ состоит в том, что наряду с нормоконтролем мы должны говорить о деятельности как бы парной ему, ответственной за разработку/коррекцию норм и законов: нормотворчество (НТ)²⁶. Вот эта пара *нормоконтроль и нормотворчество* и есть в нашем проекте поле, отведённое власти, ее «резервация». Выход за ее пределы власти запрещён.

Вместе с тем определяющее значение для нас имеет понятная из всего сказанного ранее фиксация: **политику, управление, нормоконтроль и нормотворчество мы будем квалифицировать и описывать как различные типы М-деятельности**, объединяя при этом два последних под общим именем «работа власти». Разумеется, в зависимости от решаемой задачи их можно представлять и по-другому, но для нас все иные способы их представления будут иметь вторичный, вспомогательный характер. Специально подчёркиваем сказанное, имея в виду чудовищную путаницу, царящую по этому поводу в литературе, в том числе учебной. Правда, мы не подражаемся наводить здесь порядок, поскольку предлагаем для обсуждения только одну из возможных версий концептуализации этого круга вопросов.

Заметим ещё, что несущим элементом обсуждаемой конструкции является управление. В прежние времена схема обходилась бы без него, была много проще и содержала бы испокон веков обсуждавшиеся философами два элемента: политику и власть. При этом в рамках натуралистической онтологии власть трактовалась как своеобразная склейка, например места (скажем, королевского трона) с его наполнением (человеком, имеющим статус короля), держателя власти с его поведением (либо деятельностью над поведением) или всего этого вместе, а политика как особого рода (хорошо известное этологам) поведение — борьба за власть. Вся эта конструкция дожила до наших дней, более того, господствует в странах третьего (а отчасти и бывшего второго) мира, хотя плохо стыкуется с оформившимися уже в XX веке идеями управления и институционализацией управленческой деятельности²⁷.

Исторические аспекты практик, которые рассматриваются теперь как различные типы Д/Д, и истории соответствующих понятий мы уже затрагивали [Рац 2013] и специально рассмотрим их в третьей части данной работы. Забегая вперёд, заметим только, что, как мы уже говорили, формирование управления как типа М-деятельности в целом ещё далеко от завершения и в известном смысле даже проблематично. Дело в том, что, во-первых, управленческая М-деятельность складывалась, как минимум, из трех разных источников: из штабной функции государственной власти, из управления собственностью и из самоуправления (городских коммун и т. п.). Причём эти три, скажем теперь, области приложения управленческой деятельности сохраняют свою специфику поныне. Во-вторых, управленческая деятельность как таковая изначально была внутренне разнородной и несла в себе зародыши очень разных занятий: от организации (т. е., преобразования структуры систем деятельности) до регулирования текущих процессов; от постановки и решения проблем до планирования предстоящих действий. В-третьих, наконец, управление даже теоретически — в профессиональном сознании и в науке — по сию пору не отграничено от политики и власти.

По гамбургскому счёту при всем обилии литературы управление как целостный тип М-деятельности пока лучше представлять себе не более чем «полуфабрикатом». Исходя из принципов системного подхода [Щедровицкий 1975a], в этой ситуации мы перенесём внимание с самогo управления на объёмлющую его систему Д/Д. Имея в виду сферу Д/Д и три ука-

²⁶ Мы оставляем на будущее разговор о различении и соотношении (культурных) норм и (юридических) законов.

²⁷ Говорить об институционализации управления в России можно только условно, поскольку, строго говоря, управления, по крайней мере, в системе государственной деятельности у нас практически нет. В условиях господства «вертикали власти» его и быть не может.

занных выше «главных» ее типа (П, У, НК/НТ), в самом общем виде представим современную позиционную структуру преобразовательной деятельности в схеме «лестницы» так:

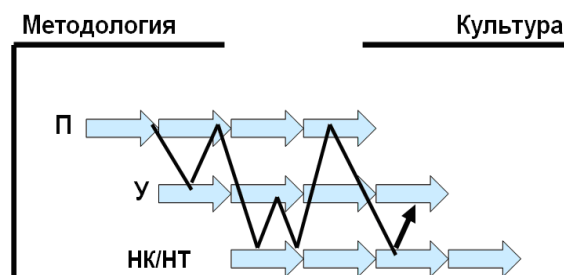

Рис. 2. Принципиальная схема реализации преобразовательных замыслов («схема лестницы»)

Поскольку эта схема в целом уже комментировалась в упомянутой статье (там речь шла и о рамках), ограничимся самым кратким пояснением к ней. Ряды горизонтальных стрелок на рисунке обозначают деятельности трех выделенных типов, которые в отличие от привычных ветвей власти делятся только функционально, но не морфологически. Нельзя рассадить политиков, управленцев, чиновников и законодателей по разным адресам: часто это одни и те же люди. Специальные знания, навыки и умения принадлежат человеку; функции, должностные обязанности приписаны к месту в штатном расписании; а различные типы деятельности используются людьми сообразно ситуации и решаемой задаче независимо от специальности и должности. **Одни и те же лица, занимающие различные места в аппарате управления, выступают в роли политиков, управленцев или держателей власти в зависимости от ситуации и задачи, решаемой ими в данный момент.**

Каждый тип деятельности по ситуации в любое время может сменяться другим, почему все горизонтальные стрелки «зашнуровываются» между собой (чёрной ломаной линией на схеме) на манер известной в методологии схемы программирования [Щедровицкий 1999]. Ломаная линия, таким образом, изображает траекторию движения замысла в ходе его проработки и реализации, когда, говоря метафорически, он переходит из рук в руки представителей разных позиций притом, что физически это может быть один и тот же человек, движущийся по позициям и осуществляющий при этом разные по типу работы²⁸. Так мы представляем себе структуру Д/Д в целом, или, если угодно, управленческой деятельности в самом широком ее понимании — в отличие от ОРУ, локализуемой в ее центральной части.

Принципиально важно, что **происхождение, источник преобразовательных замыслов в схеме не имеет значения: таким источником может быть любой субъект безотносительно к его социальному, географическому и т. п. положению.** В том числе, и субъекты, заинтересованные в результатах уже идущих преобразований. Хотя вопрос, как подобные инициативы приобретают общественное значение (или, с другой стороны, как организовать их обсуждение), требует специальной проработки, сказанное надо подчеркнуть особо, как неотъемлемую часть предлагаемой схемы²⁹. Дело в том, что эта формула обеспечивает «поря-

²⁸ Иначе говоря, иерархическая структура на схеме относится к парадигмальным представлениям, в то время, как на синтагматическом уровне («в жизни») иерархия превращается в гетерархию: по ситуации «сверху» может оказаться любой из обсуждаемых типов деятельности.

²⁹ В сущности, о том же на своем материале говорит Б. Манен [Манен 2008: 237] как о «примечательной особенности» принципа представительного правления.

док открытого доступа» к организационным инициативам, лежащий согласно Д. Норту и его соавторам в основе жизни современных развитых стран [Норт и др. 2011]³⁰.

Выделенный тезис обозначает и ещё одну важную вещь: **предлагаемая система отбора и проработки замыслов преобразований лишена привычной (особенно в России) властной, иерархической регуляции**. Сама по себе фактически заложенная в схему сетевая регуляция принятия решений по сравнению с иерархической является (и, что не менее важно, по крайней мере, в профессиональном сообществе считается) новой парадигмой принятия решений [см., например: Соломонов 2014]. Но в нашем случае сетевой принцип отбора и проработки замыслов дополняется упорядочивающей его использование формой организации, предусматривающей последовательное разделение и, как мы убедимся далее, взаимную увязку соображений разного характера: политических, оргуправленческих и культурно-правовых.

Уточним дополнительно, что с нашей точки зрения, при этом речь должна идти не об отказе от управления («Куда-то за ненадобностью уходит слово „управление“, а значит, и иерархическая модель отношений; все начинает выстраиваться по формуле „не управление, а взаимодействие“»), а об отказе от властной иерархии. Сфера противопоставляемого власти управления, напротив, оказывается областью эффективного использования новой парадигмы наряду со сферами бизнеса и науки.

Схема лестницы задаёт лишь общий принцип организации Д/Д. Поэтому далее сосредоточимся на характеристике основных типов Д/Д с намётками детализации по отдельным занятиям, в особенности на стыках между основными типами.

2.2. Основные типы Д/Д, приходящей на смену «власти», и их характеристика

2.2.1. Основные типы Д/Д представлены в столбцах предлагаемой таблицы: 1. политика, 2. оргуправление (ОРУ с делением на три подтипа: 2.1. организовывание, 2.2. управление и 2.3. руководство), 3. Работа власти (нормоконтроль и нормотворчество). В строках намечена их характеристика, ориентированная на три системных плана: А. функции деятельности соответствующего типа, Б. характерные для него процессы и В. организованности, функционирующие в этих процессах.

Табл. 2.

Основные типы деятельности над деятельностью

Типы Д/Д	1. Политика	2. ОРУ	3. Работа власти
Системные планы			
А. Функции	Фиксация картины мира и вы-	Обеспечение реализации политических решений	Обеспечение соответствия изменений действующим нормам

³⁰ Акад. С.П. Новиков, математик, далёкий от обществоведения, с детской непосредственностью говорит об этом порядке: «Только США создали возможности стать в 21 веке миллиардером на внедрении инноваций, а не жульничества — без государства и рабства перед юристами и чиновниками» (<http://www.kapitza.ras.ru/arhiv/doc/novikov.pdf>).

	бор направления изменений	2.1. Организывание	2.2. Управление	2.3. Руководство	3.1 Нормоконтроль	3.2. Нормотворчество
Б. Процессы	Конкурентная борьба, реализация победившей линии (см. ОРУ)	Оргпроектирование Реализация проекта	Рефлексия, коммуникация, ассимиляция деятельности знанием ³¹ (программирование)	Обеспечение подчинения – добровольное, либо принудительное	Коррекция и обеспечение подчинения (исполнения)	Нормирование, законотворчество
В. Организыванности	Ориентиры, стратегии, предметы, масштабы действий	Организация (как продукт организывания), позиции, цели	Ситуации, рамки, темы (объекты управления), позиции, проблемы	Задачи (вместо целей), кадры (вместо позиций). Приказы	Законы ³² , нормы, эталоны и образцы.	

Так мы представляем себе поле наших возможных занятий на перспективу (типологию Д/Д). Сквозь эту таблицу можно с равным успехом смотреть на бизнес и государственное управление, хотя в обоих случаях есть, конечно, своя специфика. Не следует забывать и о том, что любая М-деятельность, по идее, должна завершаться подведением итогов, анализом опыта и рефлексией: это дело не нашло своего места в таблице, поскольку мы ограничили ее специфическими для Д/Д занятиями.

Общий механизм осуществления Д/Д, напомним, состоит в непосредственной передаче в «нижележащую» деятельность тех или иных организыванностей, которые должны ее изменить. Место таких организыванностей могут занимать регулятивы (ценности, цели, нормы), знания, проекты — от идей до прямых указаний. Связанные с самоопределением «исполнителей» организыванности (ситуации, ценности, цели) как раз изымаются у них в случае принудительного обеспечения подчинения (клетки 2.3-Б и 3.1-Б таблицы).

Специального комментария требует появление в таблице третьего столбца — «работы власти». Дело в том, что власть — теперь мы говорим о *власти закона* — теснейшим образом связана с управлением и завершает его работу двумя указанными выше способами. Такое завершение необходимо, если мы хотим сделать принимаемые управленческие решения обязательными для исполнения, а нужда в этом возникает постоянно. **Нормоконтроль по функции противостоит политике и управлению: последние нацелены на перемены, первый — на не менее важное поддержание стабильности.** Таким образом, власть (правового) закона не имеет ничего общего с властью человека над человеком, порождаемым ею отношением господства-подчинения и мегамашинной организацией, о которых шла речь в первой части нашей работы.

(Здесь нужно сделать важное терминологическое замечание. В рамках нашего проекта власть ограничивается властью закона, а любой ее выход за эти рамки (за вычетом отношений руководства по типу учителя и ученика), когда возникает власть человека над человеком, мы считаем злоупотреблением властью и квалифицируем как отношения господства/подчи-

³¹ Управленческое знание захватывает управляемую деятельность, меняя ее «природу» подобно тому, как меняют операционное содержание сложение и вычитание при переходе от арифметики к алгебре.

³² (Пассивная) власть закона должна быть не слабее, а крепче, чем (активная) власть/господство одних людей над другими

нения. Насилие, по идее, возникает при сопротивлении власти, и только в рамках власти закона может считаться легитимным).

С другой стороны **управление в обобщённых типовых ситуациях** (в отличие от конкретных, экзemplифицированных, где получаются конкретные результаты и продукты) **завершается в деятельности законодателя — нормотворчестве**: смене/коррекции законов.

Всё это, конечно, очень общо, и мы подробнее обсудим эту тему далее (п.п. 2.2.4 и 2.2.5), а пока заметим, что организация и содержание всех обсуждаемых типов деятельности сильно отличаются от практикуемых в настоящее время, а их системная связка и представление в целом предлагаются вообще впервые. Если думать о реализации предлагаемой схемы, возникает множество вопросов: прежде всего, как обеспечить согласованное осуществление всех этих разнонаправленных, но сплетённых в один клубок занятий, и как удержать при этом стабильность? Мы связываем перспективу проработки и возможной (в более или менее отдалённом будущем) реализации данных или других, такого рода предложений с участием юристов и считаем первоочередной задачей хотя бы намётку норм, вводящих и закрепляющих предполагаемую практику, а также обеспечивающих ее будущее воспроизводство.

После этих общих соображений перейдём к краткой характеристике основных идеальных типов Д/Д, какими они видятся в оппозиции к господствующей «за окном» практике. Поскольку смена наших (пока что) представлений и формирование концепции Д/Д обусловлена институционализацией и переосмыслением управления, с него и начнём.

2.2.2. Оргуправленческая деятельность в целом (ОРУ) была основательно описана Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 2000; Щедровицкий 2003], как мы теперь понимаем, в качестве концептуального проекта. Мы рассчитываем на читателей, знакомых с этими работами и в дополнение к сказанному выше (в п. 2.1) ограничимся здесь несколькими общими соображениями.

Поскольку в отличие от политики и власти управление стало осознаться как особый род занятий только на рубеже XIX и XX вв., у людей было очень мало времени на осмысление этого фундаментального явления. После победного шествия кибернетики, по-видимому, бесполезно бороться с получившим массовое распространение представлением о том, что управление — это целенаправленный перевод любой заданной системы в нужное состояние. Таково, с нашей точки зрения, определение не управленческой, а объемлющей ее преобразовательной деятельности, или просто деятельности как таковой, включая, между прочим, и Д/М³³. Мы, однако, будем говорить здесь об управлении, имея в виду управление только системами деятельности в рамках Д/Д.

Напомним, что назначение управления мы видим в решении вопроса о том, *как* реализовать порождаемые в политике замыслы преобразований. В большинстве случаев (все они по-своему уникальны) для этого нет ни готовых форм организации, ни полного набора требуемых по ситуации методов и средств, чем и вызывается к жизни оргуправленческая деятельность с ее специализированными подтипами и «штабными функциями». Они формировались в XX веке параллельно с осмыслением оргуправленческой деятельности в целом. При этом в теории (до и вне ММК, где произошёл синтез) доминировал второй процесс, в то время как на практике, шла, скорее, диверсификация и, что важнее и хуже, — профанация управления, которым часто занимались случайные люди (в СССР чаще всего партийно-комсомольские деятели и инженеры).

³³ Впрочем, вспоминая о сопоставлении инженерии и управления, надо признать, что применительно к Д/Д слово «преобразования» вряд ли уместно: С. Попов не зря говорит об организации «общественных перемен» [Этюды... 2002].

К специализированным подтипам относятся организационная работа (столбец 2.1. в таблице 2) и — после создания/перестройки необходимых оргформ — собственно управление, центрирующееся на технологии программирования, проблематизации и искусства решения проблем (столбец 2.2). Исполнение управленческих решений обеспечивается посредством руководства (столбец 2.3), представляющего собой реликт властных отношений господства/подчинения в сфере Д/Д, сохраняемый специально для случаев, когда без этого нельзя обойтись (когда надо рукой показывать или за руку вести), типа отношений учителя с ребёнком. Таким образом, руководство радикально отличается от нормоконтроля, реализующего власть закона (см. п. 2.2.4). Штабными функциями Щедровицкий назвал обеспечивающие оргуправленческую М-деятельность интеллектуальные практики, прежде всего оргпроектирование и программирование. К ним же относятся прогнозирование, сценирование, планирование и такие плохо освоенные пока, а отчасти и недостаточно разработанные техники, как тематизация, целеполагание, проблематизация, объективация и т. п.

Мы не будем останавливаться на более подробной характеристике всех этих занятий, потому что, их общее описание дано в упомянутых работах Г.П. Щедровицкого³⁴. Кроме того, сейчас, как уже говорилось, нас интересует общая картина Д/Д и, в частности, ОРУ, но опять же как целостного, пусть и проблематичного типа М-деятельности. Для понимания текущей ситуации здесь важно добавить, что в силу расщепления управленческой практики на перечисленные виды занятий управление как новый сложный тип деятельности редко «садится» на личность, классическим примером которой может по-прежнему служить Д. Форд.

Согласно Щедровицкому, управление трактуется как деятельность, реализующая представления о будущем управляемой системы (которое завтра станет ее настоящим). Основные практики управленческой деятельности (в бизнесе, городском самоуправлении и в государственной деятельности) вполне соответствуют такому пониманию, которое коренным образом отличается от понимания управления в кибернетике не только типом управляемого объекта, но также своей структурой и особенностями управленческой надстройки. Что касается структуры, то мы уже говорили, что в отличие от двух рядоположных, согласно кибернетическим представлениям, подсистем — управляющей и управляемой, — в методологии предлагается «матрешечная» структура, в которой управляющая система рефлексивно охватывает и ассимилирует нижележащую управляемую.

Для нашей темы особое значение имеют два обстоятельства. Во-первых, управленческая надстройка в этой схеме обладает рефлексией и мышлением, в особенности, проектным (в широком смысле, т. е. включая программирование, сценирование и т. п.); во-вторых, основным способом воздействия управляющей системы на управляемую становится коммуникация, их отношения оказываются диалогическими [Рац 2004]³⁵. К настоящему времени накопилось уже достаточно работ, где эти тезисно изложенные здесь представления развёрнуты и обсуждены с разных точек зрения. Однако, несмотря на отсутствие внятных возражений, они пока очень далеки от того, чтобы стать общепринятыми. Наряду с обычной инерцией и труднопреодолимой тенденцией к воспроизводству сложившихся форм, мы связываем это явление с упоминавшейся сложностью ОРУ в целом, а также с объективной трудностью принятия представлений об управлении при сохранении господствующей натуралистической (в данном случае поведенческой) онтологии.

³⁴ О программировании см. также: Щедровицкий 1999; оргпроектированием сейчас занимаются наши коллеги по Программному клубу во главе с М. Флямером: <http://www.fondgp.ru/projects/seminar/practice/oru-2>

³⁵ Это не такие уж абстракции. Мы уже цитировали по этому поводу В. Пономарева (примеч. 2). Б. Обама в своей каирской речи 2009 г. говорил о поддержке режимов, которые правят с помощью убеждения, а не принуждения.

Строго говоря, последние несовместимы. Редукция деятельности к поведению ликвидирует возможность управления, сводя его к власти. Но именно такова естественная тенденция жизни общества (мы уже не раз писали об этом выше). И, если мы хотим в борьбе с нею искусственно восстанавливать М-деятельность и управление, необходимо понять действующие здесь механизмы. Предвосхищая их обсуждение в третьей части нашей работы, скажем о них очень коротко, пользуясь самой простой моделью.

На естественную деградацию М-деятельности часто накладываются усугубляющие ее И-воздействия обычно политического происхождения. Но, если пока оставить их в стороне, можно заметить, что даже у преуспевшего управленца, добравшегося до места (кресла), дающего власть, может потеряться самоконтроль, возникнуть желание, а затем и привычка руководить подведомственной ему системой деятельности подручными средствами, опираясь на здравый смысл и опыт, без чрезмерного внимания к регулирующим его деятельность нормам. Тем более что это желание корреспондирует с присущим большинству людей стремлением избегать ответственности, уходить от проблем (то, что Э. Фромм [Фромм 1990] назвал «бегством от свободы»). Патерналистская власть служит всего лишь логическим завершением этой тенденции. В итоге у всех действующих лиц теряется рефлексия, а вместе с ней и видение ситуации; целеполагание узурпируется властью и привязывается к набору задач, способы решения которых наперёд известны...

Сложнейшей проблемой оказывается восстановление М-деятельности и возврат к управлению (реально именно к этой проблеме относится известная шутка об изготовлении яиц из яичницы). Теоретически понятно, что на смену власти имущим должны придти лидеры, обладающие рефлексией и мышлением, способные не только честно прорисовать ситуацию, но и работать в ситуации множества акторов, имеющих разные, нередко взаимоисключающие и, возможно, нереализуемые при этом цели. Видимо, неслучайно на уровне государств история не знает примеров мирного перехода такого рода, осуществлённого своими силами. Далеко не мирным путём происходили такие перемены в ходе буржуазных революций. Внешней помощью удалось обойтись после второй мировой войны Германии и Японии, а после развала «социалистического лагеря» — странам «народной демократии».

В данном контексте важно ещё указать на своего рода «двухэтажный» характер управления (не путать с верхним и нижним этажами ОТС). Мы имеем в виду различие управления предметной деятельностью, например, производством: коррекцию его целей, регулирование производственных процессов и т. п., с одной стороны («на первом этаже»), и управление развитием, ответственное за постановку и решение проблем, обогащение арсенала используемых средств и соответствующие вклады в культуру — с другой («на втором этаже»). Вслед за Щедровицким мы считаем определяющим для управления «второй этаж»: в его отсутствие управляемая деятельность рискует выродиться в поведение, а само управление — во власть. Но такое понимание управления содержит в себе проблему («вечный двигатель» управленческой деятельности), заключающуюся в противонаправленности работы в первом и втором этажах: внизу управленец должен работать, сообразуясь с законами функционирования социальных (мега)машин [Бауман 2010] и/или культурными нормами, наверху его задача — разрушение некоторых из этих норм (по ситуации) и созидание новых.

2.2.3. Политика. Предлагаемая интерпретация политики была задана Г.П. Щедровицким более тридцати лет назад [Щедровицкий 2000: 116] и в значительной мере стимулировала нашу работу в этом направлении. Соответственно, мы исходим из того, что политика (Politics) возникает в результате столкновения конкурирующих управленческих систем, когда они убеждаются в невозможности реализовать своё видение будущего общей сферы интересов вне взаимодействия друг с другом. Итогом такой борьбы оказывается «равнодействующая»

щая» конкурирующих позиций — Policy. Надо только отчётливо понимать, что «равнодействующая» в большинстве случаев — не более, чем метафора, поскольку может явиться результатом победы одной из конкурирующих систем над другой (другими). Повторим, что с нашей точки зрения, эта деятельностная интерпретация политики приходит на смену ее натуралистической трактовке как борьбы за власть (или, скажем мягче, пока дополняет последнюю и, как мы надеемся, потеснит ее в обозримом будущем).

Вопрос о картинах будущего далеко не так прост, как может показаться. Дело в том, что представление об управленческих системах как отдельно взятых, существующих автономно, во многом условно. В реальности управленческие системы всегда взаимосвязаны с соседними, т. е. как бы погружены в политический «бульон», в котором у каждой из них вырабатываются свои представления о будущем. т. е., картины будущего и формируются, и реализуются в конкурентной сфере политики, хотя принадлежат при этом разным управленческим системам.

Вот — наряду со сказанным — основные характеристики *politics* как деятельности особого типа. Надо только иметь в виду, что большинство этих характеристик приобретает свои нюансы применительно к каждой из двух указанных трактовок политики (как борьбы за власть и как конкуренции проектов будущего):

- многосубъектность и конкурентность;
- определяющая роль будущего: в ядре политики оказывается проектное (в широком смысле) мышление³⁶;
- общность для всех участников политической борьбы «сферы интересов» при различии представлений о ее будущем и путях его достижения;
- двухвекторность: вектор *politics* направлен на противников, *policy* — на общую для всех сферу интересов;
- неделимость сферы интересов, неуничтожимость противника и связанный с этим
- вынужденный характер.

Перечисленные характеристики можно понимать и как необходимые условия осуществления политической деятельности: если хотя бы одно из этих условий не выполняется, в рамках развиваемой концепции не следует называть происходящее при этом политикой.

Всё это, однако, ещё не даёт ответа на вопрос, что же должны делать политики. В функции политики и политиков входит перманентный анализ непрерывно меняющейся ситуации в сфере их общих (с конкурирующими политическими субъектами) интересов и вокруг нее, а на этой базе выработка текущего ответа на основной профессиональный вопрос «Что делать?». Станным образом при всем очевидном многообразии политик разного рода (по предметной и ценностной ориентациям, пространственно-временным масштабам и др.) в общем виде эта тема впервые рассматривалась совсем недавно в работе одного из авторов [Рац 2010b].

Вряд ли есть смысл обсуждать ситуативные и бесконечно многообразные ориентиры политики, но необходимо указать, что принимаемые политиками принципиальные решения могут и должны основываться на картине мира³⁷ и шкале ценностей (последние живут в культуре и, следовательно, очищены от ситуативно-шкурных интересов, присущих миру со-

³⁶ В случае борьбы за власть представление о будущем редуцируется до вопроса о том, кто же будет находиться при власти.

³⁷ Не следует путать принимаемую нами картину мира (онтологию) с подробностями устройства этого мира, которыми занимается позитивная наука. Мы уже говорили о «гильотине Юма» (в п. 1.1.): «невозможно вывести то, что должно быть, из того, что есть», фактологические, описательные утверждения сами по себе не могут отвечать на вопрос о том, что следует делать. Напротив, на примере двух обсуждаемых онтологических картин и соответствующих интерпретаций политики видно, что именно от них, в первую очередь, и будут зависеть политические решения.

циальности [Щедровицкий 1995: 50–56]). В противном случае политика вырождается в политиканство, каким оказывается в рамках деятельностной онтологии борьба за власть ради нее самой (Мы уже цитировали по этому поводу М. Вебера: п. 2.1, **а**). С принимаемой нами картиной мира, онтологией, среди прочего связано и пространство возможных стратегий, прорисовка которого представляется вполне актуальной. В отличие от господствующих недостаточно систематизированных представлений, мы предлагаем для обсуждения следующую общую схему.

На первом шаге различаем ориентации на стабильность vs перемены. Для типологизации перемен можно предложить простейшую матрицу 2x2. С одной стороны, мы делим их на растянутые во времени и сконцентрированные; с другой по соотношению искусственного (И) и естественного (Е) начал — на И/Е (когда преобразования приводят к артификации естественных процессов) vs Е/И (когда, напротив, происходит оестествление наших преобразовательных усилий).

Табл. 3.

К типологии общественных перемен

Соотношение И и Е	И/Е	Е/И
Временная характеристика		
Растянутые	Выращивание, культивирование	Эволюция
Сконцентрированные	Реформирование	Революция

В клетках матрицы мы получим соответственно:

- искусственно осуществляемые (И/Е) растянутые перемены, для которых нет общепринятого имени, скорее всего, выращивание, культивирование;
- эволюцию — растянутые во времени Е/И перемены;
- реформирование как подконтрольный нам (И/Е) процесс сконцентрированных во времени перемен;
- революцию, трактуемую как выход из-под контроля и оестествление сконцентрированных во времени преобразовательных усилий;

Наконец (для России это, видимо, практически наиболее важный момент), И/Е переменны независимо от их временных характеристик могут быть разделены по наличию или отсутствию прототипов на модернизацию/внедрение vs развитие/инновации [подробнее об этом см. Рац 2011].

Коренное отличие данной схемы от господствующих представлений, а также и от других оригинальных предложений такого рода (см, например, недавнюю статью В.В. Никитаева [Никитаев 2013]) подчёркивает необходимость дальнейшей проработки этой важнейшей темы. Но уже сейчас можно заметить, что стратегии мы связываем только с И/Е переменами и деятельностной онтологией; Е/И перемены свидетельствуют, скорее, об отсутствии какой бы то ни было стратегии, и являются результатом господства натуралистической (поведенческой) онтологии. При этом концепция Д/Д непосредственно относится только к (И/Е) стратегиям, а, революции и эволюция требуют, с этой точки зрения, специального обсуждения.

Мы считаем, что революцию определяют властные отношения господства-подчинения, когда власть имущие и подвластные меняются местами согласно схеме «Кроликов и удавов»

Ф. Искандера [Искандер 1982]. Поэтому неслучайно Запад, где такие отношения носят подчинённый характер, а преобладает система Д/Д, уже добрую сотню лет обходится без революций. Что касается эволюции, то мы связываем ее с «идеальным» властным правлением, при котором власть имущие работают по схеме реактивного поведения (что в целом как раз характерно для России, в частности после Второй мировой войны). Если и когда власть имущие осуществляют деятельность над поведением, у них появляется возможность перейти в режим реформирования. Впрочем, реализуется такая возможность редко: для этого власть должна принадлежать выдающимся личностям. С этой точки зрения было бы полезно рассмотреть, например, историю Кодекса Наполеона и реформ Александра II.

Завершая этот беглый обзор политики, наряду со сказанным нельзя также не упомянуть такое практически важное дело, как выбор предметной фокусировки приложения усилий политиков, например, по списку типа следующего:

1. Территориальная подложка,
2. Д/Д со своими организованностями, включая государственную машину,
3. Наука/образование,
4. Хозяйство,
5. Быт и потребление,
6. Сфера клуба и отдельно
7. Культура, определяющая воспроизводство каждой из составляющих сфер и всей этой целостности (страны, региона, города).

Конечно, в принципе надо заниматься «всеми», но без какой-то фокусировки усилий и концентрации всегда ограниченных ресурсов здесь не обойтись. К тому же в разных фокусировках могут одновременно осуществляться разного типа стратегии. Сложность всей этой политики такова, что политическими субъектами (а, значит, и субъектами управления, и нормоконтроля) в современном мире могут быть только субъекты коллективные, сами по себе сложно организованные.

2.2.4. Нормоконтроль как работа чиновников. В отличие от политики, которой мы занимаемся уже много лет, и управления, обсуждавшегося ещё самим Г.П. Щедровицким, нормоконтроль как особый тип МД и объект анализа выделяется нами впервые, и мы можем высказать здесь только самые первые эскизные соображения [подробнее см. Рац 2010с]. Первая и определяющая мысль, на которой строятся все эти соображения, состоит в том, что, **согласно нашему замыслу, функция нормоконтроля ложится на чиновников.**

По аналогии с «политикой» и «управлением» мы трактуем нормоконтроль в качестве особого, идеального или «чистого» типа деятельности и приписываем его чиновнику. При этом выражение «работа чиновника» в обычном словоупотреблении характеризует скорее работу (гос)служащего, идентифицируемую не по типу деятельности, а по должности и месту службы и фактически включающую, как уже отмечалось, разные типы деятельности. Отказаться от этой повсеместно господствующей традиции невозможно, да и не нужно, и мы наметим здесь контуры работы чиновника (вспоминая Вебера, «как призвание и профессию»), включающей оба эти важнейших момента.

Итак, важнейшую и определяющую функцию «чистой» деятельности чиновников мы видим в обеспечении соблюдения установленных законов, причём не только и даже не столько в условиях стабильности (это само собой разумеется), сколько в условиях перемен: **перемены должны осуществляться законным образом.** В идеальной действительности чиновник как носитель своего особого типа деятельности олицетворяет власть закона, и в цивилизованном обществе XXI в. власть такого типа (не *кого*, а *чего*) нужно считать единственно

приемлемой и легитимной в мирное время. С этой точки зрения (в чем видится величайшее значение идеи власти закона) **отношения господства и подчинения, когда** — напомним формулировку Щедровицкого — **«одни люди узурпируют власть, присваивают ее себе, отнимая у других», следует мыслить как злоупотребление властью**³⁸.

Таким образом, в идеале — как особый тип — «чистая» деятельность чиновника, олицетворяющего власть закона, противопоставляется работе политиков и управленцев, ответственных за перемены. За этим вроде бы парадоксальным противопоставлением стоит простая фиксация: власть как способность *заставить* людей делать то, что и как считается нужным, легитимна постольку, поскольку направлена на поддержание существующего и привычного для людей порядка. Поддержание легитимного порядка в принципе не требует обсуждения. Любые же нововведения, проводимые политиками и управленцами, должны согласовываться с теми, чьи интересы они так или иначе затрагивают: в противном случае нововведения вызывают отторжение и превращаются в насилие. Что и понятно, ибо, по справедливому замечанию Исайи Берлина, жизнь дана человеку затем, чтобы он прожил ее по-своему.

Иными словами, реализуемая чиновниками власть закона, по идее, монологична — в отличие от диалогичных политики и управления. Молчаливая законопослушность большинства и бурные дебаты, сопровождающие законодательные инициативы, вместе с повсеместным распространением разнообразных форм демократии участия подтверждают, что в развитых странах практика именно так и строится. В итоге можно сказать, что в идеальной действительности власть (закона) — инобытие политики и управления: последние умирают во власти или, если угодно, теряя собственное лицо, предстают в качестве власти, когда ориентированы на воспроизводство и поддержание стабильности, а не нацелены ни на какие новшества.

Но наряду со сказанным, в работе госслужащего, «чиновника по должности», неизбежно сочетание разных типов деятельности, ибо никакое конечное число законов не может угнаться за бесконечным разнообразием жизненных ситуаций. Как показывает исторический опыт, ни детализация законодательства, ни прецедентное право этой проблемы не снимают. Поэтому госслужащий — чиновник по должности — не может ограничиваться формальным нормоконтролем, хотя это его неперемнная обязанность. В работе госслужащего регулярные расхождения между буквой закона и реальными ситуациями постоянно порождают проблемы, которые, во-первых, необходимо выделить и идентифицировать в качестве таковых и, во-вторых, решить. Выведение в идеальный план и проблематизация жизненных ситуаций — серьёзная нагрузка не только на интеллект, но и на нравственные устои чиновника, который при этом сам создаёт себе препоны в отправлении служебных обязанностей. Для разрешения подобных коллизий, требующего уже управленческих решений, в зависимости от содержания своей должностной инструкции чиновнику приходится принимать решение самому, либо обращаться на вышестоящий уровень бюрократической иерархии, представители которого могут быть отнюдь не рады такому обращению: у них своей работы хватает. Чиновник здесь вынужден выступать в позиции управленца, а то и политика.

Примерно так мы представляем себе идеал «рациональной бюрократии», отделённой от автономизировавшейся управленческой деятельности, через сто лет после Вебера. Эта картина, однако, далека от реальной жизни, в силу исторических причин особенно в России. Облегчая себе жизнь и избегая проблематизации, чиновник по должности либо принимает решение согласно букве закона — вопреки тому, как в данном случае следовало бы поступить по совести, — в чем и состоит характерное проявление бюрократизма; либо «входит в поло-

³⁸ Замечательно, что сходный мотив мы находим ещё у Екатерины II: «...Надлежит быть закону таковому, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» [Сэндоу 2009]. Современные политические мыслители переоткрыли эту забытую истину [Шапиро 2012].

жение» и действует по ситуации, нарушая закон, что уже близко к коррупции. К тому же важно отличать от идеальной стабилизирующей функции власти реальные консервативные наклонности чиновничества, связанные с его корпоративными интересами: это уже политика. В первом случае, о котором говорилось выше, речь идёт об осуществлении перемен в рамках действующего законодательства (включая и изменения в самом законодательстве — в соответствии с установленными процедурами), во втором — о возможном сопротивлении переменам.

Это (как, собственно, описание М-деятельности любого типа), конечно, отдельная тема, здесь же для полноты картины мы закончим ещё упоминанием о делопроизводстве, тоже лежащем на плечах чиновника, которое заслуживает не только сатиры, но и серьёзного изучения.

2.2.5. Нормотворчество — работа законодателей. В определённом смысле работе чиновника противоположна работа законодателя: если первый призван обеспечивать соблюдение действующих норм, в том числе и законодателем, второй занят преобразованиями (изменением, дополнением, коррекцией) действующей системы норм, которую должен блюсти первый. Как уже говорилось, управление обеспечивает движение, власть закона — стабильность. Но, с другой стороны, власть (менять законы), реализуемая законодателем, служит как бы продолжением управления: **управление умирает во власти.**

Сказанное накладывает жёсткие ограничения на законодательную деятельность, которую, при всем обилии посвящённой этой теме литературы ещё только предстоит проанализировать и описать как деятельность особого типа. Мы считаем, что в основу ее переосмысления следует положить категориальную пару «искусственного» и «естественного» [Рац 2010а], т. е. вопрос о том, в какой мере законодателю необходимо считаться со сложившейся практикой, а в какой можно и нужно ее изменять. Сошлёмся в связи с этим на важную работу Я.Ш. Паппэ [Паппэ 1994], различившего два полярных типа законов: законы-фиксации и законы-проекты (не путать с законопроектами). Первые создаются в режиме рефлексии сложившейся практики, вторые — в режиме проектирования желательного (законодателю) положения дел. Здесь, однако, мы не можем развивать эту тему и в порядке исключения ограничимся важнейшим, с нашей точки зрения, вопросом о взаимосвязи законодательной деятельности с политикой и управлением. Итак, мы считаем, что законотворчество должно трактоваться как особая и полезная только в особых случаях технология управления. Полезна она в тех случаях, когда рассматриваемая ситуация и принимаемое применительно к ней решение носят типовой характер и/или касаются социальных институтов. Этот тезис кажется достаточно очевидным. Много труднее разобраться в технологической стороне дела.

Рассмотрим ее коротко, поскольку, повторим, все наши соображения предназначены пока только для обсуждения, а не для реализации. Итак, законы обычно принимает парламент, где есть разные комиссии и комитеты, которые занимаются законотворчеством. В рамках нашей концепции нужно считать, что депутаты, заседающие в комитетах и комиссиях, осуществляют оргуправленческую деятельность. А власть имеет лишь парламент при наличии кворума. Говоря метафорически, власть только кнопки нажимает. В каком смысле власть принимает законы? Она их (законы) как бы штамует, Законопроект разрабатывается и предлагается власти оргуправленцами, политиками, а власти остаётся поставить штамп: принято — не принято. Это есть единственная функция законодательной власти как таковой. Она оказывается особой технологией реализации политических и управленческих решений [ср. Манен 2008: 239 и др].

Возникает интересная коллизия: управление должно менять действующие законы, а законы должны одновременно регулировать реализацию управленческих решений. Разобраться

в этой коллизии, можно с помощью схемы «процесс-механизм» [Щедровицкий 1975с]. Будем считать, что управление выступает в роли механизма, обеспечивающего процесс изменения законодательства. Но изменение законов в силу приписанной им власти, со своей стороны, меняет работу управленца. Если мы хотим сохранить стабильность системы, здесь возникает жёсткое требование к законодателям: новые законы могут менять условия управленческой деятельности, но не должны ей мешать. Тогда, как пишет Щедровицкий [там же: 171], «мы можем осуществить симметричное оборачивание схемы и рассмотреть сам исходный процесс (в нашем случае изменения законодательства — М.Р., С.К.) как механизм, производящий процесс изменений в той структуре, которая изначально выступала у нас в роли механизма» (т. е. в системе управления — М.Р., С.К.). В итоге получается «слойка из двух противоположно ориентированных структур, как бы наложенных друг на друга» (рис. 3).

Рис. 3. Интерпретация отношения управления и законодательства по схеме «процесс — механизм» (пояснения в тексте)

Подводя итоги сказанному выше (в п.п. 2.1, 2.2.1, 2.2.4 и 2.2.5) о власти, легко видеть, что, если мы хотим развивать нашу общественно-политическую систему, то необходимо избавиться от синкретического ее (власти) понимания, как сакральной, данной «от Бога», как «сущностно оспариваемого понятия» и т. п. Следуя в фарватере «расколдовывания мира», давно пора рационализировать власть и во избежание злоупотреблений власти (и властью), загнать ее в намеченную резервацию. Для этого мало просто *рассматривать* политику, управление и работу власти как единый процесс реализации замыслов преобразований. У нас «за окном» они плохо различаются, а потому, естественно, слеплены воедино. Нужно же чётко их различать, функционализировать и, пользуясь этим, соответствующим образом (искусственно) *выстраивать и выращивать*, — а это разные стратегии обновления — систему Д/Д.

Собственно, рассматривая работу власти в рамках Д/Д, мы тем самым уже ушли далеко от существующего, по крайней мере в России, положения дел, когда работа власти больше напоминает СК-поведение, а Д/Д, если и встречается спорадически, то на правах пасынка и чаще за пределами государственной машины. Вообще, напомним, что рассмотрение власти не является нашей задачей в данной части работы: мы обратимся к ней далее в рамках истории. Здесь же говорим о ней только по необходимости и для полноты картины можем добавить, что не рассматриваем здесь также классической темы разделения властей, обсуждение которой требует участия юристов.

Поясним, однако, почему в третьем столбце табл. 2 отсутствует судебная власть. Дело в том, что с точки зрения осуществляемой ею деятельности судебная власть может рассматриваться как одна из двух важнейших разновидностей нормоконтроля, призванная (наряду с исполнительной властью) обеспечивать в обществе стабильность и правопорядок. По части судебной системы это ничего не меняет, а важнейший вывод из такого неожиданного объединения касается работы чиновников, которые (как и судьи) в принципе только тем и заняты, что пресекают неправомерные действия различных акторов и разрешают — в данном случае обычно латентные — конфликтные ситуации. Из чего, между прочим, следует расширенное по сравнению с традицией понимание правоприменительной практики, включающей наряду с работой суда ещё и работу чиновников.

2.3. Диверсификация Д/Д и стыки между разными её типами

2.3.1. Несколько общих моментов. Мы здесь предельно лапидарным образом говорим только о самых крупных узлах нашей темы, но необходимо хотя бы указать на то, что за каждым из выделенных в таблице типов МД формируются свои подтипы и разновидности. Применительно к политике они отчасти давно и широко известны (как внешняя, внутренняя, отраслевая и т. п.), но, как уже упоминалось, специально проанализированы и впервые систематизированы совсем недавно. Применительно к ОРУ о них вкратце писал П.Г. Щедровицкий (1998), и мы говорили о них выше (п. 2.2.2.). Вот нормоконтроль, с этой точки зрения, пока не анализировался, чему, правда не приходится удивляться, поскольку мы впервые его представляем как особый тип МД.

Очень важны также новообразования, возникающие на стыках МД разных типов. Наиболее общие новообразования, имеющие тенденцию превращения в автономные типы М-деятельности, можно объединить попарно: это изыскания и экспертиза, мониторинг и авторский надзор.

Изыскания, известные пока преимущественно в предметизованных формах, как изыскания для строительства или изучение рынка в системе маркетинга и родственная изысканиям разведка, выполняют функцию опережающего анализа условий реализации замыслов на каждом следующем этапе их жизненного цикла. Это могут быть с равным успехом изыскания для оргпроектирования компаний или для проведения реформ на стадии проработки и реализации политических решений, при переходе к управленческой деятельности и т. д., и т. п. Экспертиза, напротив, призвана давать анализ и оценку результатов пройденных этапов жизненного цикла замыслов и рекомендации по части их дальнейшей судьбы. В данном контексте особый интерес представляет взгляд на экспертизу с точки зрения делиберативной демократии [Ляхович-Петракова 2011]. Ещё раньше С. Попов [Попов 2000] обсуждал экспертизу как источник новых преобразовательных замыслов. Стоит заметить, что оба направления мысли актуальны и для Д/Д всех остальных типов.

Приобретший в последние годы широкое распространение мониторинг позволяет отслеживать непрерывно идущие перемены в жизни страны и/или ее регионов, сфер деятельности и т. п., включая и инициированные нами, но в естественном полагании, что сближает эту работу с научной. Напротив, авторский надзор предназначен для отслеживания и рефлексивного анализа хода реализации преобразовательных замыслов, с точки зрения ответственных авторов этих замыслов, программ и проектов. Он позволяет сделать необходимые оргвыводы по части коррекции принятых ранее решений и использованных при этом средств. Вместе мониторинг и авторский надзор позволяют удерживать смысл задуманных преобразований при переменах, как в ходе реализации задуманного, так и во внешних условиях.

Переходя теперь к стыковке МД разных типов, напомним об одном кажущемся банальным вопросе общего характера. А именно: прежде чем обсуждать связи и отношения МД разных типов (или, вообще говоря, любых сопоставляемых сущностей, например, культуры и жизни, о которых мы говорили в п. 1.1), необходимо положить их как разные. В нашем случае схема лестницы и таблица основных типов Д/Д (табл. 2) являются необходимым условием обсуждения стыковки политики и управления или управления и нормоконтроля. При этом наряду с означенными выше новообразованиями на стыках МД разных типов возникают узлы, требующие специального анализа. Рассмотрим два из них.

2.3.2. Стыковка политики с ОРУ. Говоря о стыковке политики с управлением, надо учитывать, что вырабатываемая в политической борьбе линия (policy), обозначает, в сущности, управление в наметившихся в ходе борьбы рамках. Но как же политическая линия «превращается» в работу оргуправленцев?

Этот вопрос подлежит специальной проработке. Начинается всё с принятия так называемого «политического решения» (о «решениях» см. ниже, п. 2.4), а центральное место, видимо, занимает превращение «сферы общих (политических) интересов» в объект управления. Причем объект этот будет разным в зависимости от того, какая линия победит в политической борьбе. Необходимо учитывать и обратное влияние оргуправленческой деятельности (и даже только ее перспективы) на принятие политических решений (см. п. 2.3.3).

Решающую роль при этом играет рефлексия ЛПР — в данном случае политиков и лиц, призванных принять решения проработывать и реализовывать — оргуправленцев (это характерный пример рефлексивной кооперации). Или заказчиков и подрядчиков. Последний случай важен для понимания целого: формирование определённого заказа на оргпроектирование и осуществление той или иной реорганизации как бы замещает принятие политического решения. Но только «как бы»: политиком при этом (до этого) вынужден заниматься заказчик.

В идеале они — политик и управленец, заказчик и подрядчик — должны понимать, что, попав в совершенно разные ситуации и приняв разные цели [см. Г.П. Щедровицкий 1999], они, тем не менее, «связаны одной цепью», и только плотная М-коммуникация даёт надежду на успешное движение к «общему благу», образ которого будет вырисовываться по ходу работы и может сильно отличаться от первоначальных замыслов политика. Фактически, однако, часто (особенно в России) приходится наблюдать архаическое, в сущности, положение, в котором политик/заказчик требует неукоснительного исполнения своего замысла (решения), не обращая внимания на стоящие на пути его реализации — нередко труднопреодолимые — препятствия. Сложность этой коллизии усугубляется ещё и тем, что как политик, так и управленец — фигуры собирательные, за каждой из которых стоит группа разных позиций, а, поскольку речь идёт о Д/Д, «внизу» ожидает решения более или менее молчаливое большинство, которому предстоит менять (или не менять) свою деятельность и жизнь соответственно принимаемым решениям.

Собственно, здесь и находится основная развилка между известной с родоплеменных времён «вертикалью власти», испокон веку использующей властный (большевистский) подход к преобразованиям (теперь, правда, сильно обогащённый популизмом), и указанным современным идеалом управления, оперирующим средствами убеждения. К сожалению, в системе российского госуправления безальтернативно господствует вертикаль и непосредственно связанное с ней так называемое «ручное управление». В результате политические решения рассматриваются управленцами и чиновниками как не подлежащие обсуждению «руководящие документы», сами госслужащие оказываются «рабами поручений»; Министерство

образования, к примеру, отвечает «только за то, что ему предписано сверху, а вовсе не за содержание и качество образования» и т. д., и т. п.³⁹

2.3.3. Нормоконтроль и деятельности всех прочих типов. Стыковка управления с нормоконтролем и руководством

Нормоконтроль, как уже отмечалось, занимает особое место в ряду Д/Д и впервые выделяется нами в качестве особого типа деятельности. Одна из особенностей нормоконтроля — наряду со сказанным ранее (п. 2.2.4) — заключается в том, что он должен непосредственно стыковаться со всеми остальными типами Д/Д. Иначе говоря, мы могли бы «рисовать» нормоконтроль «приклеенным» к каждому из предыдущих столбиков нашей таблицы. С другой стороны о том же пишет А.Ф. Филиппов [Филиппов 2013]: «Где есть процедуры, правовые регуляции отдельных шагов, необходимых для принятия решений, там затруднена прямая связь между усмотрением существа дела, постановкой задачи и собственно действием».

Вот это «затруднение прямой связи» есть плата за то, что Г. Саймон назвал когда-то «процедурной рациональностью», за правоотношения вообще и правовое государство, в частности. Отчасти это даёт ответ и на замечательный вопрос Б. Уэйнгаста [Уэйнгаст 2009]: «Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона?» Потому что, если воспользоваться нашей «родной речью», господствующая в этих странах система «поручений» и «ручного управления» привычна для исполнителей, кажется единственно возможной властям предрержащим, стала основой местной политической культуры и избавиться от нее очень трудно. Но она в принципе несовместима с правовой регуляцией деятельности. Собственно для России это, с нашей точки зрения, основная проблема, о которой мы собираемся говорить специально.

По-видимому, именно в связи с распространённостью нормоконтроля он не выделялся до сих пор как отдельный тип деятельности, что несколько странно, учитывая целую библиотеку, посвящённую чиновникам, призванным его осуществлять.

В принципе (но только в принципе!) ситуация проста. Любые общественно значимые преобразования всегда имеют своих сторонников и противников. Чтобы, как указывалось, обеспечить стабильность жизни общества, свести к минимуму резкость и число неизбежных при этом конфликтов, а также упорядочить их ход, проработка, планирование и осуществление преобразований — в рамках нашего проекта — должны идти сообразно принятым культурным и, в первую очередь, юридическим нормам. Соответствующий нормоконтроль и должны проходить действия, как политиков, так и оргуправленцев⁴⁰.

В последнем случае есть своя специфика. Да и по соображениям симметрии хочется, наметив тему стыковки политики с ОРУ, с другой стороны (на сей раз, если иметь в виду таблицу 2, в буквальном смысле слова) коротко обозначить и вопросы, возникающие при стыковке ОРУ с нормоконтролем. В некотором смысле это важнейшее место нашей конструкции, потому что здесь как раз и происходит, как говорится, в душе человека прямая стыковка двух онтологических картин: старой — властной, и новой — управленческой.

В начале, кажется, просто: с некоторого момента реализация преобразовательного замысла осуществляется в режиме исполнения «по графику» (как уже говорилось, на стройке таким образом по возможности исполняется проект, на войне — план штаба). Если всю предстоящую работу по реализации задуманных перемен можно без особых усилий представлять себе как идущую в режиме управления и соответственно в форме диалога, то здесь

³⁹ См. Розин 2013; Абрамов А. Средний балл там правит бал... Независимая газета, 26.02.2013 http://www.ng.ru/scenario/2013-02-26/14_school_reform.html?mprint.

⁴⁰ На наш взгляд, такой порядок несовместим с российской практикой «ручного управления».

начинается зона власти. И, согласно, нашему проекту, только здесь она сохраняет право на существование. Особое место занимает точка сочленения управления (в узком смысле) с руководством, где сообразно сказанному выше, осуществляется нормоконтроль принимаемых оргуправленческих решений. Признанные нормальными или приведённые в соответствие с нормами решения приобретают статус обязательных, но их дальнейшее выполнение возможно в двух принципиально разных режимах.

1. Режим свободного самоопределения исполнителя в этом своем качестве, определяемый политической, организационной и управленческой надстройками. Такой режим характерен, например, для сознательного ученика в его отношениях с учителем, для солдата, сознательно участвующего в защите своей страны или строителя, который строит храм, а не просто таскает камни, как в известной притче. К этому случаю мы относим знаменитую максиму: «Свобода есть осознанная необходимость». Руководство выступает при этом как Д/Д.

2. Режим вынужденного подчинения принятому руководством решению, выступающее в этом случае как властное, которое делает излишним и бесполезным анализ ситуации и самоопределение, исключает свободу выбора исполнителя. Деятельность исполнителя вырождается в поведение, а руководство превращается в *деятельность над поведением*. Исполнитель *вынужден* действовать в соответствии с навязываемым ему решением, что было типично для рабов или крепостных, а в наше время характерно для «таскающих камни» бизнесменов, рабочих и (гос)служащих или приговорённых судом преступников.

Ровно в этом месте была и остаётся по сию пору **главная**, с нашей точки зрения, **боле-вая точка человеческого общежития, которая определяется возможностью/невозможностью свободного самоопределения исполнителя, «маленького человека»⁴¹**. Властное правление, по существу, лишает его этой возможности, причём здесь дело не столько в квалификации властного правления как поведения, сколько в том, что оно надстраивается не над деятельностью, а над подневольным поведением исполнителей⁴². В дальнейшем мы специально обсудим эту «деятельность над поведением». Система у-правления, Д/Д, по идее, напротив, это самоопределение обеспечивает. Что и стимулирует нашу работу, но от означенной «идеи» до ее возможной реализации предстоит пройти ещё длинный и трудный путь.

Пока что мы должны наметить ещё две темы, требующие особого разговора, как с точки зрения их практического значения, так и в силу огромного места, занимаемого ими в текущем общественно-политическом дискурсе. Одна из них касается бюрократии. По первому заходу она уже обсуждалась в рамках нашей концепции [Рац 2010с] и затронута выше в п. 2.2.4. **Вторая посвящена понятию «решения» и «принятию решений». Избежать ее мы не можем, поскольку «теория принятия решений» есть в некотором смысле противоположность развиваемым нами представлениям, господствующая в современной культуре. К ней мы и переходим.**

2.4. «Принятие решений» в предлагаемой схеме

Мы уже говорили (в п. 2.1) о том, что смена иерархической регуляции принятия решений на сетевую мыслится как радикальная смена парадигмы в этой области. Адресуя заин-

⁴¹ Неслучайно «маленький человек» стал одним из важнейших персонажей классической русской литературы, а затем, по точному замечанию П. Вайля [Вайль 1992], «из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров... герои Кафки, Беккета, Камю...».

⁴² Исполнители превращаются тогда в упомянутых «социобиоидов» Щедровицкого. Этот феномен неоднократно описывался в последние годы, правда метафорически и в совсем не обязательном политическом контексте. Социобиоиды фигурировали под названиями «анчоусов» у Ю. Латыниной и «людь» (неологизм О. Мандельштама) у С. Никольского [Никольский 2014]. В сущности, о том же шла речь у Ю. Афанасьева [Афанасьев 2008], когда он говорил о «подмене народа», совершенной большевиками.

тересованного читателя к соответствующим работам, мы обсудим теперь другой поворот этой темы, который кажется нам не менее важным.

Схема проработки и реализации замыслов (схема лестницы) и детализирующая ее таблица 2 в значительной мере покрывают поле «теории принятия решений». Мы не будем сейчас обсуждать содержание этой (квази)научной дисциплины, а ограничимся лишь основными понятиями, необходимыми для взаимопонимания с ее носителями и позволяющими соотнести ее содержание с представляемой схемой. Ключевую роль играет здесь понятие «решения», стоящее за выражением «принятие решения» (в отличие от «решения задачи»).

Во избежание недоразумений скажем сразу, что мы вовсе не склонны недооценивать и/или преуменьшать роль волевого начала в М-деятельности вообще и Д/Д, в особенности, традиционно связываемую с «принятием решений». Но нам кажется разумным не концентрировать всю эту волевою энергию на принятии решений, а сообразно ситуации распределять ее между последовательными этапами проработки и реализации замыслов.

Наша интерпретация «решения», которую мы предлагаем сделать нормативной, состоит в том, что это условная точка, разделяющая две типовые фазы реализации замыслов преобразований. Решение считается принятым, когда позади (или слева от этой точки на схеме) остаётся фаза *мыслительной проработки* замысла, а впереди (справа на схеме) фиксируется фаза его *исполнения* «руками». Типичный пример такой «точки» — переход от проектирования «на бумаге» к строительству/изготовлению спроектированного «в материале». Однако, вообще говоря, точка эта — плавающая: представитель любой позиции и специальности, участвующий в коллективной работе, может ставить ее в любой удобный ему момент и соответственно в любом месте на схеме.

Здесь нужно различать два типа решений. Произвольным образом решения можно принимать только для себя, и относиться это решение будет соответственно только к позиции и зоне ответственности принявшего его актора: решения такого рода никого (кроме самого принявшего это решение) ни к чему не обязывают. Тем не менее, это очень важное дело: «решения для себя» есть не что иное, как самоопределение актора в ситуации, и мы считаем принятие таких решений культурной нормой. Именно самоопределение отличает деятельность от реактивного поведения, здесь находится идейный центр нашего проекта. С другой стороны, решение может относиться к замыслу в целом и приниматься, в предположении, что оно должно затем исполняться «само собой» или, напротив, в приказном порядке. Именно этот второй случай явно или неявно имеется в виду в различных теориях принятия решений. Здесь и начинается самое интересное.

Если в первом случае управленец предопределяет лишь свою роль в предстоящей работе, то во втором, «приняв решение» и поставив такую точку, он в большей или меньшей степени берет на себя ответственность за дальнейший ход событий и воплощение всего замысла в жизнь. По функции «решение» представляет собой характерный пример организованности, передаваемой «вниз», в управляемую систему.

Поэтому, прежде чем «принимать решение», в любом случае полезно, а во втором — необходимо — проанализировать весь жизненный цикл, всю траекторию реализации замысла, включая мыслительную имитацию его предстоящего исполнения. В связи со сказанным, представитель каждой позиции обязан представлять себе картину целого и четко обозначать зону своей ответственности, которая может быть частичной — сообразно занимаемой им позиции. Например, оргпроектировщик не может и не должен брать на себя ответственность за работу спроектированной им организации при возможном изменении объемлющей системы («условий»), но оговорить это обстоятельство, выступающее для него, например, в качестве форс-мажора, он обязан.

Особая ответственность ложится при этом на политика, чей ответ на вопрос «что делать?» как бы легитимирует замысел перемен и в значительной мере предопределяет весь дальнейший ход событий. Но не следует преуменьшать и роль представителей позиций, вступающих в игру позже: они не только ответственны за продолжение общей работы, но могут испортить и всё сделанное ранее (или многое из сделанного). Наиболее очевидно это обстоятельство применительно к нормоконтролю и руководству. Специального обсуждения требует вопрос об ответственности держателя рамки методологии (философии, науки — когда как) на стыке с представителями всех остальных позиций и, прежде всего, политиками⁴³. У держателя рамки нет нужды принимать решения по каждому случаю, но есть необходимость рефлексировать всё происходящее и пересматривать свою картину мира и практикуемые подходы.

Вообще же «принятие решения» оказывается каждый раз *поступком* (в смысле М. Бахтина), и в этом качестве не может иметь никакой теории, по крайней мере, естественнонаучного типа. Наблюдаемая гипертрофия «принятия решений» и преувеличение роли соответствующих теорий, на наш взгляд, является запоздалым следствием господства онтологии власти, при котором любые преобразования оказываются двухчастными и включают принятие и исполнение решения. Именно эта схема безальтернативно господствует в системе российского госуправления, принимая облик так называемого «ручного управления».

Принципиальная разница между теорией принятия решений и нашей концепцией состоит в том, что у нас объемлющей выступает рамка реализации замысла, в то время, как «теорию» можно понимать двояко. Один вариант, когда место реализации занимает исполнение, которое встраивается в принятое решение: как решили, так и сделаем (а потом проверим, что получилось). Второй — когда «принятие решения» вообще рассматривается вне контекста претворения замысла в жизнь, как некая самоценность, «правильное решение». Свое видение «решений» как особой организованности в рамках онтологии Д/Д мы представили выше, и, добавим, сказанное вовсе не мешает тем разумным соображениям об информационном и прочем *обеспечении* принятия решений, которые можно считать позитивным содержанием упомянутых теорий.

Специального обсуждения требуют так называемые «политические решения» [Дегтярев 2004 и др.]. Здесь мы вынуждены ограничиться двумя замечаниями. В противоположность военно-большевистской ментальности («нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики» и т. п.), мы делали бы особый упор на принятие соответствующих *проектов* решений, подлежащих уточнению вплоть до полного пересмотра в процессе своей проработки и реализации. Это, кстати, недалеко от существующей практики, когда в процессе принятия политических решений выделяется особая точка принятия «решения о решении» вроде, например, принятия законопроекта к рассмотрению в парламенте. Мы полагаем при этом, что достаточно высокий процент непринятых законопроектов, предложенных президентом и/или правительством, и, наоборот, высокий процент принятых законопроектов от оппозиции может служить показателем качества работы парламента и уровня демократии в стране.

Особое значение приобретает в политике отмеченный выше момент: необходимость тщательного опережающего промысливания и проработки дальнейшего хода реализации замысла/проекта с учётом возможных последствий на любой фазе его жизненного цикла. Как следует из соображений здравого смысла и богатой исторической практики, такая проработка оказывается эффективной только при активном участии в ней политической оппозиции. Мы надеемся, что среди прочего именно в этом пункте предлагаемая нами схема может и должна оказаться практически полезной в работе по продвижению тех или иных преобразовательных

⁴³ Наша версия ответа именно на этот вопрос и намечается в настоящей работе.

начинаний. Пока что, как и в случае с «решениями о решениях», мы можем констатировать из рук вон плохую организацию этой работы в России.

2.5. Проблема целого и некоторые смежные вопросы

Итак, мы сделали очередной «первый проход» в попытке выстроить в мысли систему Д/Д⁴⁴. Организующая ее схема лестницы представляет собою лишь принцип, который мы связываем с особенностями европейской цивилизации. Его реализация «на материале» компании, города, страны, государства — дело другое. Обо всех этих исторически сложившихся организованных деятельности (каковыми они выступают в рамках деятельностного подхода) написаны целые библиотеки, так и не приведшие, однако, к построению понятий в строгом смысле слова. Уж во всяком случае, это так применительно к стране и государству, которые занимают нас в первую очередь.

Нам ещё предстоит проходить пути от абстрактного к конкретному и возводить реализационные «леса» применительно к каждой из названных организованных соответственно ее месту в объемлющей системе. Помимо всего прочего они ведь заметно различаются от региона к региону даже в границах европейского цивилизационного ареала. Россия будет жить и, как мы надеемся, развиваться по-своему, иначе, чем государства Западной Европы или Южной Америки. Мы, однако, обсуждали лишь принцип организации преобразовательной деятельности, и не затрагивали ни объединяющий разные организационности цивилизационный контур, ни ценностные ориентации возможных преобразований, ни представление преобразуемого целого (в нашем случае, прежде всего, государства). Скажем обо всем этом тезисно.

Что касается европейской цивилизации на данном историческом этапе, то, в отличие от иных представлений [Латынина 2011b], наиболее характерными для нее мы считаем близкие нам по духу и направленности желаемых перемен идеи «открытого общества» К. Поппера [Поппер 1992] и «порядка открытого доступа» Д. Норта с соавторами [Норт и др. 2011]. Мы, однако, рассматриваем их как идеальные конструкции и не думаем, что они полностью реализованы хотя бы в странах Запада⁴⁵. К тому же даже при наличии планов реализации (во втором случае) они слишком общи и не содержат понятий страны и/или государства как таковых⁴⁶. Но вспоминая уже цитированного И. Шапиро, мы склонны считать, что это к лучшему, поскольку разработка проектов государственного устройства вне рамок управления, Д/Д, учитывающая среди прочего цивилизационный контекст, здесь заведомо неприемлема. Разрабатывать нужно соответствующие программы и, более того, используя объемлющую их политику (Politics), как особую форму *надпрограммной организации*, обеспечивать сорганизацию воедино (в рамках Policy) разных программ, разных как по предметной направленности, так и по ценностным ориентациям.

Однако при этом вопрос о ценностной ориентации объемлющей политики оказывается за кадром, что уже привычно фиксируется как проблема современной европейской цивилизации: явный дефицит ценностей. Обычно речь об этом заходит в связи с господством общества потребления, ориентированного на «вещные» потребности, характерные для поведенче-

⁴⁴ На самом деле, эта работа имеет уже более чем двадцатилетнюю историю, которую надо отсчитывать от публикации серии коллективных статей о «Строительстве будущего» в маргинальном журнальчике «Человек и природа» в 1991–92 гг. Но на каждом новом витке приходится так основательно пересматривать сделанное ранее, что, действительно, впору говорить о новом начале.

⁴⁵ Эксцессы политкорректности (то, что по-английски называется «PC police», «полиция политкорректности») свидетельствуют о явной недоработанности этих идей.

⁴⁶ Мы можем вспомнить только две попытки представить схему предполагаемого здесь объекта: это полувековой давности принципиальная схема общества Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 384] и схема страны О.С. Анисимова. Очень мало, да и разные задачи требуют разных представлений.

ской онтологии и во многом искусственно стимулируемые. В общем, с таким поворотом темы мы согласны, но сейчас хотим обратить внимание на другую сторону дела.

А именно, сама идея ценностной ориентации, т. е. идеологического содержания объемлющей политики в рамках либерального взгляда на мир оказывается как бы вне закона, поскольку противоречит идее открытого (к будущему) общества. Но так ли это? Для нас это важнейший вопрос, и мы утверждаем, что идеология идеологии рознь, а например, ценность развития вполне совместима с идеей открытого общества, поскольку носит рамочный характер. В двух словах [подробнее см. Рац 2011] «секрет» здесь состоит в том, что трактуемое как рамочная ценность развитие подобно бесспорной для нас ценности права. В случае права деятельность должна быть правособразной, в случае принятия рамки развития формируется такой способ действий, который порождает новые методы, средства, нормы, эталоны и т. п. То, что в обиходе называется «творческим подходом» и даёт вклад в культуру. Как говорил когда-то Г.П. Щедровицкий, «мы не можем продвигаться вперёд, не развивая культуру своей страны и мировую культуру», или иначе: работать надо «на уровне современной, человеческой, общечеловеческой культуры. Причем, решая ее через наши дела. Дела нашей страны. Но общекультурные задачи»⁴⁷.

То, что при этом протягивается ниточка от идеи развития к качеству жизни или ВВП на душу населения, мы уже говорили (см. примеч. 9), но как именно это происходит, какие здесь работают процессы и механизмы, — всё это, конечно, специальная тема⁴⁸. Сейчас напомним только, что реализуется идея развития лишь в процессе предметной деятельности, направляемой на другие, в том числе и вполне прагматические, цели. Нужно дом строить, землю пахать, сочинять роман или что-то исследовать, а иначе «творческий подход» повисает в пустоте: его к чему-то приложить надо. Предмет занятий сам по себе отнюдь не безразличен: мы уже говорили, что наряду с ориентацией на культуру политик и управленец ответственны так же за предмет и направленность управляемой деятельности.

Понятно (особенно с учётом последней фиксации), что принятие ценности развития требует существенного переосмысления и переработки концепций как Поппера, так и Норта. Тем более, если хотя бы в качестве далёкого идеала распространить идею политики развития, как рамочной, на международные отношения. Эти перспективы мы и связываем с переходом от нынешнего состояния дел к деятельностной онтологии и системе Д/Д⁴⁹. Рассматривать ли такое движение мысли как «ревизию» и развитие концепции либерализма или как намётку некоего нового «изма» («девелопизма» — ?) — вопрос, решение которого мы оставляем открытым.

Но обратимся все же к проблеме целого. По части будущего России мы видим свой вклад в представленной системе государственного (хотя и не только) управления, а в качестве переходника к означенному целому коротко рассмотрим поставленную в начале нашей работы тему институтов и институционализации. Выбор именно этой темы обусловлен отчасти ситуативно (наиболее продвинутые эксперты, на понимание которых мы рассчитываем, думают об институтах), но в большей степени содержательными соображениями.

Уточним свое понимание «институтов». Мы считаем, что таковыми оказываются популятивные (т. е., существующие во множестве экземпляров [подробнее см. Щедровицкий

⁴⁷ Цитируемая работа пока не издана, и мы можем сослаться только на рукопись: Щедровицкий Г.П. О единстве культуры. — Новая Утка, 7 июля 1978 года.

⁴⁸ Со своей точки зрения, в макроисторическом плане ее начал обсуждать П.Г. Щедровицкий на игре, посвящённой технологии мышления: <http://berezkin.info/?p=1355>

⁴⁹ Примерно этот круг вопросов обсуждается нашими украинскими коллегами из Международного института исследований будущего под именем «думающего общества» (<http://future-ukraine.org.ua/ru/novini-ta-podiji/novini-institutu/mezhdunarodniy-institut-issledovaniy-budushego-nachal-cikl-diskussiy-o-probleme-dumaushogo-obshestva/>).

1976]) социальные объекты, сконструированные (по большей части в далёком прошлом) для отправления определённых функций в обществе. Институты призваны обеспечивать воспроизводство одновременно как деятельности/поведения, так и форм их осуществления: от совместного ведения хозяйства в семье до реализации правосудия в форме судопроизводства. На фоне множества примеров такого рода (будь то семья и школа или суд и парламент) контр-примеров не видно.

Мы полагаем, что эта тема может стать переходной в силу того, что государство в соответствии с изложенным пониманием может мыслиться как тип института (это, разумеется, не наше открытие, а весьма распространённое представление). Интрига далее завязывается вокруг того, что институты могут обеспечивать воспроизводство как М-деятельности (или, повторим, условий их воспроизводства, например, в университетах и академиях), так и СК-поведения (в семье). Именно эту их двуликость мы имели в виду, говоря в п. 1.1 о замещении институтов мегамашинами.

Дело, следовательно, не в нюансах тех или иных представлений об институтах: мы не видим принципиальных противоречий между нашим толкованием, упоминавшимся мейнстримом [Шмерлина 2008] или концепцией В.Г. Марачи [Марача, Матюхин 2005]. **Проблема состоит в том, как научиться строить и перестраивать институты, «затачивая» их на борьбу с экспансией мегамашин, как обеспечить иммунитет институтов к ритуализации и вырождению М-деятельности в поведение.** В общем виде, как следует из всего изложенного, мы предлагаем обратиться к деятельностному подходу и деятельностной онтологии. В связи с этим пора вернуться к основополагающим вопросам, с которых мы начинали. В свете сказанного они звучат так: **что институционализировать? Как?** Как обеспечить при этом стабильность и т. д.

Наш ответ на первый вопрос состоит в том, что институционализации подлежат именно различные типы М-деятельности, а точнее их особые, нацеленные на развитие связки, получившие в ходе обсуждений 1980-х гг. в ММК наименование «сфер деятельности». В этом тезисе, однако, заложено противоречие с нашим прежним утверждением, что мышление и М-деятельность в принципе не воспроизводимы, а ведь именно воспроизводство в ряде случаев оказывается целью институционализации. Напомним, что мы уточнили свою позицию, указав на возможность и необходимость (для нас) воспроизводства *условий* мышления и М-деятельности. Важнейшим условием такого рода мы считаем проблематизацию, реальность воспроизводства которой продемонстрирована, например, историей развития естествознания (наиболее ярко в концепции научных революций Т. Куна). Вклад ММК в технологизацию постановки проблем приближает нас к реализации идеи воспроизводства условий мышления и М-деятельности.

Таким образом, с нашей точки зрения, говорить об институционализации мышления и М-деятельности нужно, видимо, имея в виду расширительную трактовку этого выражения: воспроизвести мы можем в лучшем случае условия, а «вспыхнет» или нет мышление и М-деятельность при этом остаётся делом случая и удачи. Сказанным определяется и наше отношение к работе коллег в означенном направлении. При всех различиях, *в конечном счёте*, мы движемся с ними в одну сторону.

Более радикальными оказываются наши ответы на второй и третий вопросы: **в качестве схемы институционализации мы предлагаем использовать схему лестницы с учётом ее детализации в табл. 2.** Это означает, что институты подлежат перманентному строительству (в противоположность известной идее перманентной революции), и мы считываем, что выстраиваемые таким образом, в частности, благодаря системам мониторинга и авторского надзора, они будут устойчивы против экспансии мегамашин.

Во избежание недопонимания можно добавить, что в рамках наших представлений правовое государство — это идеальная конструкция из деятельностной картины мира, форма организации правления, основанного на управлении, на триаде: политика — управление — нормоконтроль/нормотворчество (власть закона). В натуралистической картине мира рисуется другая система правления, основанная на власти (человека над человеком), на диаде: политика — власть. И здесь «правовое государство», строго говоря, в принципе немислимо: здесь господствует другая система, реализованная в истории восточных царств, европейского абсолютизма и России — почти на всем протяжении ее истории.

Другое дело «за окном»: там действительно всё перемешано и склеено, в частности, правовое государство может трактоваться как особая институциональная форма власти, ограничение власти человека над человеком властью правового закона. Но мы стараемся различать происходящее за окном и мыслительную действительность, а в данном тексте сосредоточены на второй. При этом власть правового закона из нашей идеальной картины (табл. 2) и власть человека над человеком из натуральной картины мира несовместимы, существуют в разных мирах. **Следовательно, невозможно помыслить (в идеальной действительности) ограничение власти правовым законом. Мы соотносим власть (человека) и управление как два способа правления, присущие разным идеальным мирам, и конструируем систему правления для деятельностного мира, где должна быть исключена власть человека над человеком, и где только и может реализоваться идеальная конструкция, именуемая «правовым государством».**

Заключение

Что бы мы ни надумали насчёт будущего, а проблемы всегда возникают при реализации замыслов. Поэтому, в свете поставленных в начале статьи задач вопреки традиции **мы предлагаем заняться не прогнозами и/или проектами будущего, а пересмотром исторически сложившихся форм проработки и реализации замыслов** социально значимых преобразований. **Этот способ действий мы реализуем в собственной работе** и рассчитываем, что в случае перехода к новым формам проработки замыслов и организации преобразований начнут складываться и другие формы человеческого общежития.

Если нам удалось продвинуться вперёд в работе по заявленной теме, то мы обязаны этим деятельностному подходу (в версии Московского методологического кружка) и тому арсеналу средств, который был сформирован за его полувековую историю. Но, как принято говорить в таких случаях, мы несём ответственность за все возможные ошибки и заблуждения. И использованные нами антропологические представления и противопоставление деятельности и поведения выходят далеко за рамки темы власти и управления, и мы сознательно ограничили развёртывание обсуждения по этим линиям, стремясь сосредоточить внимание на направлении «главного удара».

Важно, что рефлексия организации общежития на Западе приводит к близким нам представлениям. В частности, мы считаем, что предлагаемая схема лестницы может трактоваться как деятельностная интерпретация того «порядка открытого доступа», который отличает организацию жизни в так называемых развитых странах. Точнее, может быть, так: схема указывает на организационные формы реализации этого самого открытого доступа. Более того, намеченный способ действий, по идее, позволяет реализовать ценность развития, что особенно актуально для России, уже триста лет движущейся в альтернативной развитию идеологии мо-

дернизации, дополняемой, а временами и замещаемой (как теперь) охранительной, консервативной идеологией⁵⁰.

Основная особенность организации Д/Д в целом, а, значит, и всего универсума деятельности, достигаемая посредством предлагаемой схемы, состоит в опоре на самоопределение каждого из участников, что, по идее, исключает мегамашинную организацию, а в случае неудачи гарантирует от возникновения ссылок на исполнение приказов и/или принятые «наверху» решения. Вспоминая историю XX века, Нюрнбергский процесс и книгу З. Баумана, можно сказать, что такая организация делает невозможной повторение ГУЛАГа и Холокоста. Именно такую организацию мы предлагаем считать демократической с деятельностной точки зрения. Демократия понимается не как власть народа (на наш взгляд, это не более чем метафора, к тому же отжившая свой век), а именно как особая форма организации общежития⁵¹. Суть ее как раз и видится в использовании схемы такого рода, как предложенная выше.

Мы полагаем (хотя, как и другие темы, затронутые в настоящей статье, данный вопрос требует специальной проработки), что предлагаемая схема ведёт к двум практически важным следствиям, которые стоило бы обсуждать в поисках выхода из кризиса демократии в ее исторически сложившихся формах.

1. Необходимость поиска новых форм демократии, когда права не дают, как при всеобщем избирательном праве, а берут, отстаивая свою точку зрения и свои интересы. Возможно, искомые формы могут быть найдены на пути сорганизации представительной демократии с демократией участия, но, так или иначе, при равных стартовых возможностях нужна дифференциация прав в зависимости от гражданской активности. Например, к решению общественно важных вопросов, включая выборы, можно приглашать только граждан, активно работающих в интересах общего дела. В этом случае кто не работает (именно в смысле участия в общем деле, т. е., «идиоты» в древнегреческом смысле слова), тот не выбирает. Участие в выборах — это своего рода награда: на него не распространяется «открытый доступ». В сущности, речь идёт об артификации сложившейся практики, когда в выборах участвует около половины избирателей.

По этому пункту имеется традиция, связанная с именами Локка, Руссо, Милля и обширная литература. В этом контексте вскрывается среди прочего важнейшее *практическое* значение правопонимания. Как писал в свое время Ортега-и-Гассет: «Под поверхностью всей современной жизни кроется глубочайшая и возмутительнейшая неправда — ложный постулат *реального* равенства людей» [Ортега-и-Гассет 2008]. Много лет спустя В.С. Нерсесянц [Нерсесянц 1996: 17–22] построил целую концепцию *формального* равенства, противостоящую этому «ложному постулату» (курсив везде наш — М.Р., С.К.). Именно и только ее мы считаем релевантной основой правопонимания в наше время и в ориентации на нее развёртываем свой проект.

2. В (анти)либеральных разговорах о месте и роли государства в жизни страны необходимо различать властные и управленческие функции государства. Минимизировать желательно первые, реализуемые посредством вертикали власти (и связанные с веберовским «легитимным насилием»), сведя их к обеспечению исполнения законов. Государственная власть в нашей схеме не должна выходить за рамки исполнения правового закона. Вторые же (в т. ч., политические) могут и должны быть достаточно широкими, но здесь уже неприемлемо

⁵⁰ Не надо быть Платоном, чтобы понимать: ориентация на традиционные ценности может оказаться полезной (но вовсе не обязательно будет такой) лишь в дополнение к каким-то продвигающим вперед целям. В противном случае она обещает всего лишь застой.

⁵¹ Кстати, в Древней Греции слово «народ» (Δῆμος) обозначало не всех людей, ходящих по площадям города, а тех, кто «приписан» к его территории, ведёт на ней какую-то (общее или общественно-значимую) деятельность.

властное правление, не может быть никакой вертикали, и возможен только диалог с обществом и представителями всех заинтересованных позиций.

Таким образом, различие власти и управления в нашем проекте дополняет классическое разделение властей и наряду с принципом формального равенства позволяет говорить о демократии в ее деятельностной интерпретации. Если рассматривать эти предложения в рамках либеральной традиции (что, вообще говоря, необязательно), то таково предлагаемое нами понимание либерализма в XXI веке. Хотя, в сущности, оно восходит, как минимум, к Б. Констану [Констан 1993], чья классическая трактовка свободы, данная без малого двести лет назад, состоит в том, что «это право каждого подчиняться одним только законам».

Предлагаемая деятельностная интерпретация позволяет по-новому интерпретировать феномен субъектной (в отличие от власти закона) власти. Субъектная власть, согласно И. Шапиро и в духе либеральной традиции, должна трактоваться как злоупотребление властью. **В рамках нашей схемы легитимной можно признать только безличную власть блюстителей норм и руководителей — по позиции. Никакое физическое лицо само по себе в принципе не может обладать властью над другими людьми, или, как пишет Б. Манен [Манен 2008: 233], ссылаясь на родоначальников представительного правления, «никакое внутреннее превосходство не даёт одним людям право навязывать свою волю другим».**

Ещё два обстоятельства, которые кажутся нам самоочевидными, во избежание недоразумений все же добавим к сказанному. Во-первых, представленные соображения — это лишь первые наброски по обсуждаемой теме, сообразно схеме лестницы они требуют публичного обсуждения, углублённой проработки и развёртывания. Во-вторых, масштаб предполагаемых перемен таков, что думать надо о запуске соответствующих исторических процессов, о которых мы поговорим в следующей части нашей работы. Ни о каком «внедрении» пока не может быть и речи.

Мы благодарим А.Е. Балобанова и В.Г. Марачу за стимулирующие замечания по первой редакции статьи, а также В.Л. Данилову, М.Г. Флямера и всех участников методологических семинаров, на которых обсуждались наши сообщения по ходу работы.

Афанасьев Ю. 2008. Мы не рабы? — *Новая газета*. — 5.12.2008. См. также «*Континент*». — № 138. — Доступно: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/138/af11.html>. — Проверено: 03.04.2014.

Баранов М. 2013. Что хуже коррупции. — *Сетевой портал Полит. Ру*. — Доступно: <http://polit.ru/article/2013/08/15/eb150813/>. — Проверено: 03.04.2014.

Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. — М.

Бауман З. 2006а. «Завтра будет стыдно за то, чем можно гордиться сегодня». — *Интервью чешскому радио 20.12.2006*. — Доступно: <http://www.radio.cz/ru/email/statja/86515>. — Проверено: 03.04.2014.

Бауман З. 2006б. Пять прогнозов и множество оговорок. — *Иностранная литература*. — № 8. — Доступно: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/8/ba14.html>. — Проверено: 03.04.2014.

Бауман З. 2010. *Актуальность Холокоста*. — М.

Бауман З. 2011. *Текущая модерність: взгляд из 2011 года*. — Доступно: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html>. — Проверено: 03.04.2014.

Бахтин М.М. 1986. К философии поступка. — *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984/1985*. — М. — Доступно: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok1.html>. — Проверено: 03.04.2014.

- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности*. — М.
- Берман Г.Дж. 1998. *Западная традиция права: эпоха формирования*. — М.
- Блауг М. 2004. *Методология экономической науки*. — М.
- Быков Д. 2006. *Политики имманентностей*. — Доступно: <http://polit.ru/article/2006/10/09/bykov/>. — Проверено: 03.04.2014.
- Вайль П. 1992. Смерть героя. — *Знамя*. — № 11.
- Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. — М.
- Вишневский А.Г. 2010. Конец Североцентризма. — *Сетевой портал Полит. Ру*. — Доступно: <http://www.polit.ru/lectures/2010/01/14/severotsentrizm.html>. — Проверено: 03.04.2014.
- Гатто Д.Т. 2006. *Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя*. — Генезис. — Доступно: http://thelib.ru/books/gatto_dzhon/fabrika_marionetok_ispoved_shkolnogo_uchitelya-read-1.html. — Проверено: 03.04.2014.
- Голубкова Л.Г., Розин В.М. 2010. *Философия управления*. — Йошкар-Ола.
- Данилова В., Рац М. 2005. *Вера Данилова и Марк Рац обсуждают «Тезисы о Человеке»*. — Доступно: <http://www.futurisrael.org/Discussion/Antrop/Homo01.htm>. — Проверено: 03.04.2014.
- Диспозиции... 2011. *Диспозиции. Сборник статей участников семинара «Управленческие и методологические практики» 2010-2011*. — М. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/projects/seminar/practice>. — Проверено: 03.04.2014.
- Дегтярев А.А. 2004. *Принятие политических решений*. — М.
- Друкер П. 2000. *Практика менеджмента*. — М-Спб-Киев.
- Дубровский В.Я. 2011. *Очерки по общей теории деятельности*. — М.,
- Зиновьев А.А. 2002. *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)*. — М.
- Искандер Ф. 1982 (1987) *Кролики и удавы*. — Ann Arbor (М.). — Доступно: <http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt>. — Проверено: 03.04.2014.
- Клок К, Голдсмит Дж. 2004. *Конец менеджмента и становление организационной демократии*. — СПб.
- Коллингвуд Р.Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. — М.
- Констан Б. 1993. *О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей*. — Полис. — № 2. — Доступно: http://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svbode.pdf. — Проверено: 03.04.2014.
- Королев С.А. 2009. Псевдоморфоза как тип развития: случай России. — *Философия и культура*. — № 6.
- Латынина Ю.Л. 2011а. Партия трех оболочек. — *Ежедневный журнал*. — 4-5.07.2011. — Доступно: <http://ej.ru/?a=note&id=11154>; <http://ej.ru/?a=note&id=11158>. — Проверено: 03.04.2014.
- Латынина Ю. 2011б. «Европа, ты офигела!». — *Новая газета*. — 16.08.2011. — Доступно: <http://www.novayagazeta.ru/politics/48064.html>. — Проверено: 03.04.2014.
- Латынина Ю. 2012. «Избиратели-паразиты» и «страны-паразиты». От Ромула до наших дней. — *Новая газета*. — 30-04-2012. — Доступно: <http://www.novayagazeta.ru/comments/52380.html>. — Проверено: 03.04.2014.
- Латынина Ю.Л. 2013. Благие намерения. — *Ежедневный журнал*. — 04.03.2013. — Доступно: <http://ej.ru/?a=note&id=12722>. — Проверено: 03.04.2014.
- Ляхович-Петракова Н.В. 2011. Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики. — *Вучонья запіскі Брэсцкага ўніверсітэта. Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*. — № 7. — Доступно: <http://topreferat.znate.ru/docs/index-1326.html?page=20>. — Проверено: 03.04.2014.

Мамфорд Л. 1986. Техника и природа человека. — *Новая технократическая волна на Западе*. — М. — С. 225–239. — Доступно: <http://philosophy.mit.edu/memford2.htm>. — Проверено: 03.04.2014.

Мамфорд Л. 2001. *Миф машины*. — М. — Доступно: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115>. — Проверено: 03.04.2014.

Манен Б. 2008. *Принципы представительного правления*. — М.

Нерсесянц В.С. 1997. *Философия права*. — М. — Доступно: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1095.html. — Проверено: 03.04.2014.

Назаретян А.П. б/д. *Насилие и терпимость: антропологическая ретроспектива*. — Доступно: http://evolbiol.ru/nazaretyan02.htm#_ftn1. — Проверено: 03.04.2014.

Никитаев В.В. 2012. Субъекты и типология социокультурных изменений. — *Организация саморазвивающихся инновационных сред*. — Под ред. В.Е. Лепского. — М.: «Когито-Центр».

Никольский С. Людье. — *Независимая газета*. «Политика». — 22.01.2014. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2014-01-22/5_people.html. — Проверено: 03.04.2014.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М.

Ортега-и-Гассет Х. 1991. *Дегуманизация искусства*. — М. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ortega/_Degumaniz_01.php. — Проверено: 03.04.2014.

Паппэ Я.Ш. 1994. О статусе актов законодательной власти в переходном обществе. — *Как это делается: финансовые, социальные и информационные технологии. Сборник материалов Института коммерческой инженерии*. — Вып. 3. — М. — Доступно: <http://lib.webmalina.com/getbook.php?bid=2086>. — Проверено: 03.04.2014.

Познающее мышление... 2004. *Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли*. — М.

Пономарев М.В. 2010. *История стран Европы и Америки в Новейшее время*. — М. — Доступно: <http://vse-uchebniki.com/istoriya-besplatno/istoriya-stran-evropyi-ameriki-noveysheevremya.html>. — Проверено: 03.04.2014.

Попов С.В. 2000. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений. — *Кентавр* — № 23. Доступно: <http://old.circleplus.ru/kentavr/TEXTS/023PP1.ZIP>. — Проверено: 03.04.2014.

Попов С.В. 2013. *Открытая лекция Сергея Попова «Творящееся будущее»*. 6 ноября.

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. — М.

Поппер К. 1993. *Нищета историцизма*. — М.

Рац М.В. 2004. Диалог в современном мире. — *Вопросы философии*. — № 10. — Доступно: <http://methodology.by/?p=1938>. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2007. Текущие соображения о методологии. — *ММК в лицах*, т. 2. — М. — С. 17–25.

Рац М.В. 2010а. «Искусственное» и «естественное». — *Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. — М.: РОССПЭН. — С. 319–358.

Рац М.В. 2010б. К типологии политики. — *Сетевой портал журнала «Полис»*. — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2010_K_tipologii_politiki.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2010с. Бюрократия в контексте перемен. — *Полития*. — № 3–4. — Доступно: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Ratc-2010-3-4.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2011. Управление и развитие. — *Диспозиции. Сборник статей участников семинара «Управленческие и методологические практики» 2010–2011*. — М. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/projects/seminar/practice>. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2013. Концептуальный проект государственной деятельности: политика, управление, власть. — *Полис*. — № 2.

Розин В.М. (ред.). 2002. *Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации*. — М.

Соломонов Ю.Б. 2014. Есть ли будущее у креативного класса России. — *Независимая газета, НГ-сценарии*. — 8.01.2014. — Доступно: http://www.ng.ru/stsenarii/2014-01-28/9_creative.html. Проверено: 03.04.2014.

Сэндоу А. (Песков А.М.) 2009. Свобода и воля. — *Веб-сайт Полит.ру*. — Доступно: <http://www.polit.ru/analytcs/2009/01/30/svoboda.html>. — Проверено: 03.04.2014.

Уэйнгаст Б.Р. 2009. Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона? — *Прогнозис*. — № 2. — Доступно: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/6.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Филиппов А.Ф. 2009. Политическая социология: проблема классики. — *Классика и классики в в социальном и гуманитарном знании*. — М. — С. 181–209.

Филиппов А.Ф. 2013. Политическое и полицейское. — *Независимая газета*. — 15.02.2013. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2013-02-15/5_police.html. — Проверено: 03.04.2014.

Философия России... 2010. *Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. — М.

Фромм Э. 1990. *Бегство от свободы*. — М.

Шапиро И. 2011. *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. — М.

Шапиро И. 2012. О не-господстве. — *Логос*. — № 4. — С. 3–35. — Доступно: http://www.yale.edu/macmillan/shapiro/2012_4_Logos_320.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Шевцова Л. 2014. 2013-й — жизнь в interregnum или о том, как мир заблудился. — *Ежедневный журнал*. — 6.01.2014. — Доступно: <http://ej.ru/?a=note&id=23996#>. — Проверено: 03.04.2014.

Шмерлина И.А. 2008. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов. — *Социологический журнал*. — № 4. — Доступно: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Novye_publicazii/Ponyatie_soc_inst_Shmerlina.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Штраус Л. 2000. *Введение в политическую философию*. — М.

Щедровицкий Г.П. 1975а. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. — *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании*. — М. — С. 72–161. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/75/>. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1975b. Общая идея метода восхождения от абстрактного к конкретному. — *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании*. — М. — С. 161–169.

Щедровицкий Г.П. 1975с. Категории «процесс-механизм» в контексте исследования развития. — *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании*. — М. — С. 169–174. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/40>. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1976 (2005). Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта. — *Системные исследования. Ежегодник 1975*. — М. [Перепечатано в: Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. — М.]. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/41>. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1979. Комплексная организация НИР как социотехническая система. — *Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы (Краткие тезисы к Всесоюзному симпозиуму)*. Ч. 2. — Свердловск. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/46>. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. — М.

Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок*. — М.

Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. — М.

Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности (основные понятия и принципы)*. — М.

Щедровицкий П.Г. 1998. Организационное проектирование в системе управленческой деятельности. — *Проблемы управления*. — Москва. — С. 21–38.